

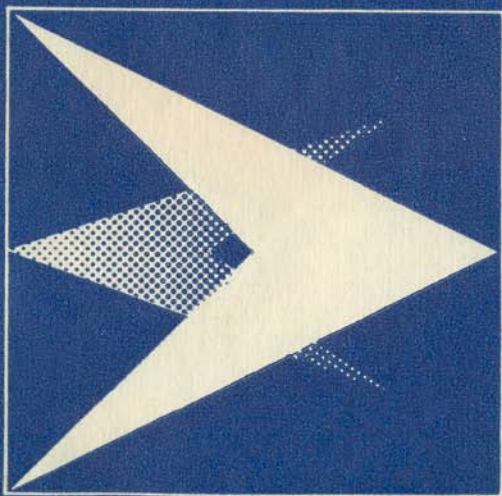
НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1989/4

Ю. А. Школенко
ОТ СОТВОРЕНИЯ
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ

4/1989

Издается ежемесячно с 1964 г.

Ю. А. Школенко

доктор философских наук

ОТ СОТВОРЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

(КАК И КУДА РАЗВИВАЮТСЯ
РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ)

Издательство «Знание» Москва, 1989

ББК 86.30
Ш 67

Автор: ШКОЛЕНКО Юрий Андреевич, доктор философских наук; его перу принадлежат свыше 120 научных и научно-популярных, публицистических статей, брошюр и книг.

Редактор: В. В. БОЙКО

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Приглашение к диалогу	3
Подвижная картина мира	9
Материя — жизнь — человек	20
Священный дар жизни	28
Душа и личность	36
Творение продолжается	47
За сердечный мир	54
Примечания	59
Приложение	
Народные календари. Праздник весны в Китае . .	60

Школенко Ю. А.

Ш67 От сотворения до наших дней (Как и куда развиваются религия и атеизм). — М.: Знание, 1989.— 64 с.— (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Научный атеизм»; № 4).

15 к.

В брошюре рассматриваются, преимущественно на материале христианского вероучения (и в особенности православия) исторические этапы и основные постулаты, характеризующие отношение религии к природе мироздания и Земли. Показаны особенности современного религиозного сознания, точки соприкосновения и размежевания атеизма и религии в сфере взаимодействия человека и природы, осмысления места человека в мире, отношений между людьми.

0402000000

ББК 86.30

ISBN 5—07—000480—8

© Издательство «Знание», 1989 г.

Автор брошюры нетрадиционно рассматривает проблемы соотношения религии и атеизма в наше время и на долговременную перспективу. Это понятно, ибо перестройка требует новых подходов также и в этой области. А новое всегда сопряжено с поиском.

Быть может, новые положения брошюры вызовут споры или несогласие со стороны некоторых читателей в силу непривычности или действительной дискуссионности позиции автора.

Но тем не менее предложенная автором своя, интересная точка зрения заслуживает внимания и, думается, вызовет читательский интерес. Редакция будет благодарна за отзывы об этой брошюре.

К чему дорога, если она
не приводит к храму?

Из кинофильма Тенгиза Абуладзе
«Покаяние»

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Мы живем в годы перестройки — революционной и всесторонней. За многолетний отход от принципов и начинаний Октябрьской революции мы расплачиваемся необходимостью новой революции — внешне мирной, больше созидательной, чем разрушительной, но не менее крутой, чем в 1917 году. Ломаются стереотипы поведения, мышления, жизни.

Уходит время звонких, но ничем не подкреплявшихся лозунгов. Теперь у нас есть опыт — славный, трудный, а то и трагичный, противоречивый опыт энтузиазма и застоя, смертельного испытания Великой Отечественной войны и всенародного оцепенения от внутренних репрессий, обучения азбуке реальной демократии и терпимости к плюрализму мнений и мировоззрений.

Перестройка немислима без гласности. Оба эти слова выражают две ипостаси единого процесса. И не будем забывать, что по своему содержанию гласность есть прежде всего правдивость, ибо только она эффективна! Мы устали от десятилетий риторической громогласности, полуправды, а то и прямой лжи.

Тяга к правде естественна, как дыхание, и она всегда отличала человека праведного (педаром оба эти слова одного корня), искателя истины от приспособленца, беспринципного прожизнителя жизни с опустошенной душой.

Время перестройки — не только час правды. Оно еще и время деятельное и деловитое. Иначе и не может быть после периода, а иногда даже говорят — эпохи, застоя, после которого возникает сильная потребность в движении. Но деловитость — будь то кооперативная, семейно-подрядная и всякая иная — не должна заменять собой размышление, мирозозерцание и мировоззрение, извечные поиски того стержня существования, который именуется смыслом жизни.

Смысл жизни есть один из центральных вопросов религии, и поскольку этот вопрос вечен, то и религия по меньшей мере долговечна. Не столь давний самодвольный и казенный атеизм в лекциях, журнальных статьях и брошюрах застилал глаза и уши. Почему религия, этот «пережиток» капитализма и феодализма, живет и здравствует при социализме? Не в последнюю очередь — все от той же тяги к правде и праведности, а еще от врожденного стремления человека к прекрасному, к идеалу большого мироздания и малого бытия каждого человека. Брошюры и лекции изображали такой идеал слабо и схематично. Храм с иконостасом и вратами в алтарь зачастую выглядел красивее и полнокровнее, чем иной сельский клуб.

В недалеком прошлом я ежедневно проезжал трамваем мимо стен Даниловского монастыря в Москве, обшарпанного, ставшего с конца 20-х годов исправительной тюрьмой, а потом занятого складами и мелкими предприятиями малопонятного назначения. Теперь это Свято-Данилов монастырь, резиденция патриарха Московского и всея Руси и Священного синода, еще одна отреставрированная архитектурная жемчужина столицы. Разве найдется среди москвичей — теистов и атеистов — человек, который не рад такой перемене?

Каждый может припомнить из уроков истории в средней школе, что императоры Византии принимали варваров в залах, где вокруг трона располагались золоченые механические львы, рычащие и бившие хвостами. На этом рыкании и хвостобитии держалась вся Византия, пугая соседей, пока ее не захватили турки-османы. Официальная религия страны — ортодоксальная, православная ветвь христианства — пышным цветом распустилась на равнинах киевских и новгородских земель. В Свято-Даниловом монастыре, в Троице-Сергиевой лавре, в киевских Печерах и во многих других городах и обителях в 1988 году праздновалось тысячелетие начала этого процесса — крещения киевлян князем Владимиром.

Существует легенда, подтвердить достоверность которой теперь уже вряд ли возможно, о «смотре на вер», устроенных князем Владимиром, прежде чем он сделал свой выбор. Иноземные послы, прибывшие со всех концов света, и киевские послы, отправленные во все концы, рассказали не только о византийской ортодоксии, но и о западном христианстве, о хазарском иудаизме, об исламе волжских булгар. Владимир выбрал ортодоксию (православие) за... красочную литургию. Но, по-видимому, не красота ради красоты привлекла его. Ортодоксия укрепляла власть государя, каковым он себя считал, имея самые обширные владения, хотя и автономные, дробные и самостоятельные, в тогдашней Европе — от Варяжского (Балтийского) до Русского (Черного) моря. Идол прежнего бога-соперника, громовержца Перуна, был гневно сброшен с крутого холма в Днепр. Люди кидались под катящееся бревно, кованое медью и украшенное самоцветами, чтобы своими телами отвратить прежнее божество от гибели. Дружина князя теснила конями киевлян в воды Днепра принимать крещение. Так что умиротворенная бронзовая фигура Владимира с крестом в руке в прибрежном парке украинской столицы — не совсем точное отражение его волевой и политической акции.

Если не личная прозорливость Владимира, то объективное историческое величие крещения Руси сказалось значительно позднее. Русское государство, постоянно подвергавшееся натиску и нападением с востока и запада, обладало независимой религией, воспринятой от умирающей и исчезающей в конце концов Византии, —

религии, которая соберегла духовную и культурную независимость и самобытность русской нации, ибо все духовное и культурное могло иметь лишь религиозное обрамление в тогдашней всемирной истории. И уже на глобальный уровень идеологической державности выходил в начале XVI века псковский монах Филофей со знаменитой доктриной: «Москва есть третий Рим, а четвертому Риму не бывать». Действительно, первый Рим был разгромлен вестготами, второй, Константинополь, — турками, третий устоял.

В православных, как и во всех иных храмах, нет рыкающих и бьющих хвостами львов. Церковь ныне миролюбива. Ее функция идеологического обоснования цезаризма, самодержавия, безвозвратно ушла в прошлое. Напротив, ее сравнительно недавним духовным приобретением — примерно с середины нашего века, с деятельности митрополита Никодима — стала объединительная, экуменическая идея. В ограничительном и чисто церковном смысле экуменизм означает взаимоприятие и содружество различных конфессий (вероисповеданий) и церквей. Весьма знаменательно, однако, что, по сути, этот же самый принцип распространяется ныне на отношения между людьми вообще — между народами, государствами, всеми жителями Земли. Недаром само слово «экуменизм», как и «экология», происходит от древнегреческого «эйкос», или «ойкос», — общий дом, жилище.

В православных храмах нет львов. Но пышность и таинственность исчезнувшей Византии в них присутствует. И она, конечно, привлекает и впечатляет. Но было бы занятием поверхностным для атеизма и уничтожительным для церкви утверждать, что сила и долгожитие церкви кроются в ее декоративной атрибутике. Всякая форма — она и есть лишь форма, далеко не все говорящая о содержании.

Итак, о содержании. Порою как-то забывается, что термин «религия» происходит от латинского слова «религио», изначально означавшего «связь», «соединение», то есть связь человека с миром, со всем тем, что находится вне каждого отдельного человека, связь с природой Земли и всей видимой Вселенной, связь с другими людьми. В таком изначально значении мы все религиозны. Но церковь превыше всех связей ставит связь человека с богом, который, по ее доктрине, опре-

деляет и отношение людей к природе, и отношения между людьми. И вот в этом-то смысле религиозны уже не все, а только приверженцы той или иной из мировых или региональных религий — христианства, ислама, иудаизма, буддизма, синтоизма и других.

Может ли существовать связь человека с миром и с другими людьми без веры в бога? Может, отвечают и атеисты, и верующие. Но последние в отличие от первых считают, что такая связь бездуховна, цинична и в итоге разрушительна. Я согласен с ними в том, что нельзя жить без веры, а можно лишь духовно скудно просуществовать отведенный тебе жизненный срок. Я лишь иначе, нежели религиозные верующие, понимаю слово «вера». Движет миром людей и отношениями между людьми не верховное существо, а сама вера — вера в неисчерпаемость для познания и разумного применения того дара, который доставался и будет доставаться всем поколениям людей и который именуется Природой — большой природой всего сущего; вера в идеал человеческих взаимосвязей, когда прекрасное, кроющееся в душе каждого, расцветает роскошью общения — основного богатства.

Как воспринять такую веру? Тут и начинается дискуссия с людьми верующими, для которых вера имеет четкие религиозные границы, хотя я убежден в том, что ими тоже движет не бог, а вера в бога. Я ставлю этот вопрос не ради еще одного «удара» по верующим и по церкви с чванливых позиций мнимого превосходства и зачастую реального невежества того атеизма, который существовал у нас многие годы, а с единственной целью, соответствующей моему кредо, моему «верую»: само достоинство человека требует ясности, осознанности, преодоления слепоты в убеждениях и действиях. Верить в принципиальную непознаваемость, «неисповедимость» тех сил или той силы, которая движет природой и людьми, верить по знаменитой формуле раннехристианского теолога Тертуллиана: «Верую, ибо нелепо», — это, по моему глубокому убеждению, недостойно человека, как всякое умственное добровольное самоограничение. Это еще и трагично: что, как не культивируемая слепая вера вела к культам личностей, облеченных абсолютной властью и гнавших массы людей в рабство и на убой?

Когда православного священника возводит в его сан,

на него поочередно надевают предметы его облачения и каждый раз произносят древнегреческое слово «аксиос» — «достойно» (отсюда и в философию вошла наука о ценностях — аксиология). Ему предстоит служить вере. В этой брошюре я постараюсь послужить истине. Служение истине требует не меньшего достоинства, то есть правды, убежденности, уважительного отношения к чужим мнениям, если они искренни.

Итак, дискуссия о вере. Говоря точнее, здесь нужна не дискуссия, а диалог. В нем больше конструктивности. Священнослужители и многие верующие избегают дискуссий с атеистами, наученные, быть может, горьким опытом «воинственного безбожничества» 20-х и 30-х годов, когда дискуссии заменялись гонениями на церковь. В диалоге мы возвращаемся к изначальной пониманию религии как связи между людьми. В нем мы тоже, как и в других сферах нашей жизни, будем учиться демократии, чтобы окончательно отвыкнуть от надуманных противников, одним из которых долго считалась церковь при социализме, отвыкнуть от нетерпимости ради терпимости.

Чего же хотелось бы получить в результате диалога? Да все того же просвещения, которое внедряли не только миссионеры в далеких и диких странах, но и светские просветители у себя на родине. Не менее знаменита, чем упомянутая формула Тертуллиана, другая формула одного мужественного человека. Когда Наполеон спросил астронома Пьера Лапласа, почему тот в своей космологии нигде не упоминает о боге, он ответил: «Я не нуждался в этой гипотезе».

Не нуждаться в чем-нибудь не значит не нуждаться вообще ни в чем. Человек в очень многом нуждается, а в наше время и в нашей стране он особенно нуждается в духовности и одухотворенности. Но истинная духовность и подлинная одухотворенность — свойства чисто, монополюбно человеческие, как и сам образ бога, сотворенный человеческим гением с его жаждой гармонии и справедливости.

Еще об одном. На международную книжную выставку-ярмарку на ВДНХ в Москве одно американское религиозное издательство привезло большим тиражом для распространения среди посетителей брошюру теолога Джона Александера из Висконсинского университета

«Что такое христианство?» Там сформулирована неразрешимая дилемма:

«1. Христианин не может доказать логическим способом существование Бога; поэтому его выбор в пользу такого утверждения есть акт его веры.

2. Скептик не может опровергнуть существование Бога; поэтому его выбор в пользу такого отрицания есть акт его веры»¹.

Я не собираюсь разрешать эту симметричную дилемму, потому что считаю ее схоластической и, подобно Лапласу, не нуждаюсь в ней. В ее разрешении никто не нуждается. Я уже сказал только что, что образ бога есть творение человека. Самое интересное заключается в том, что это не только мое утверждение. По существу, о том же говорят авторы Священного писания, в том числе и Евангелий: человеку не дано увидеть бога, он видел его лишь в образе человекоподобных ангелов и очеловеченного Христа. Так будем же говорить о человеке и его мире.

И последнее. Эта брошюра адресована и неверующим, и верующим. Раньше бывало так, что атеистическую литературу читали преимущественно пропагандисты атеизма, которые вели свою пропаганду тоже преимущественно среди атеистов. Я приглашаю к чтению этой брошюры верующих и при этом сразу хочу сказать, что я совсем не стремлюсь отвлечь их от веры. Человек и его мир, быть может, даже более трогательны, если смотреть на них глазами веры. Именно к ним, человеку и миру, я и призываю обратить взоры.

ПОДВИЖНАЯ КАРТИНА МИРА

«В начале сотворил Бог небо и землю» — этими словами начинается первая книга Ветхого завета — книга Бытия. Землю бог отдал человеку, устроив земной рай для первых людей Адама и Евы, а на небесах поселился сам. С тех пор как такое распределение было зафиксировано в библейских текстах, великодушная и на первый взгляд неподвижная Вселенная вне Земли стала символом божественного величия.

Во второй половине XX века человек вышел в космос. Первому космонавту планеты Юрию Гагарину приписывают слова (которых он, видимо, все-таки не гово-

рил) о том, что он не увидел в космосе бога. Во всяком случае, в свет вышли плакаты и открытки с изображением улыбающегося космонавта на орбите и словами: «Бога нет».

Все это, конечно, относится к не столь давней эпохе наивного атеизма, ибо верующие уже давно полагают, что бог не пребывает на небесах, которые, как и Земля, представляют собой лишь его материальное творение, а как бы разлит во всем сущем или же вообще находится вне материального мира.

По случаю первого полета по лунной орбите космического корабля «Аполлон-3» (еще без высадки на Луну астронавтов) в США была выпущена почтовая марка с изображением лунного пейзажа и диска Земли на чужом небосводе. На черном небе белыми буквами выделялись первые слова книги Бытия: «В начале Бог...»

Но всегда ли господствовало такое понимание «всюдности» бога, неуязвимого поэтому ни для каких космических путешествий?

Для человека античных времен космос как внеземная часть природы не существовал вообще, он был частью земного мира. «Небо» входило в земную окружающую среду человека. Все боги эллинов и римлян имели двойную специализацию, небесную и земную: Артемида (Диана) — богиня Луны и охоты, Аполлон (Феб) — солнечный бог и покровитель искусств... Сам Олимп, жилище богов, был одновременно синонимом неба и названием горы в Северной Фессалии, где и по сию пору поддерживается традиция зажигать от Солнца с помощью увеличительного стекла факел, доставляемый по эстафете на Олимпийские игры.

То же самое происходило и у восточных славян. Бог ветра Стрибог, громовержец Перун, он же покровитель земледельцев, были, пожалуй, даже еще более приземленными, чем эллинские боги. Когда при крещении Руси киевляне бросались под деревянного катящегося Перуна, они пытались спасти свое божество, гораздо более понятное и близкое, чем ветхозаветный и к тому же чужестранный Яхве, обитающий только на небесах.

Может показаться, что теологическая наука с ее склонностью к традиционности, ревнивому обереганию религиозных догматов столь же неподвижна, как и видимая картина звездного неба. Однако это только кажется: все трансформации отношения людей к космосу,

вызванные успехами в научном познании Вселенной и началом ее практического освоения, отразились и в теологических представлениях о космосе. Динамика таких поворотов наглядно свидетельствует о том, что теология и религия всегда отражали чисто человеческое мировосприятие и его развитие.

Переход к монотеизму, единобожию, был вместе с тем и духовным отделением земного мира от внеземного. Не случайно первым актом иудео-христианского бога, зафиксированным в начальных словах Библии, с которых начинается и эта глава, было хотя и единоактное, но раздельное сотворение неба и Земли. При этом в истории раннего христианства — а в повседневном религиозном сознании нередко и поныне — само божество пространственно располагается вне Земли.

Иудео-христианская религия охотно восприняла пифагорейско-платоновское учение о космосе как идеальном порядке и гармонии. Собственно, у древних греков космос как раз и означал порядок в отличие от хаоса — дисгармонии и беспорядка, присущих исключительно земному (и подземному) миру. «Отделение» неба от Земли, характерное не только для христианства, но и для всех монотеистических вероучений, имело своим следствием также и «отделение» человека от Земли. Человек душой принадлежал небу (космосу), а свое земное существование расценивал как сугубо временное и потому достойное небрежения.

Отвлечение человека от Земли и его обращение к космосу как обиталищу бога и наиболее совершенному его творению, вечному и нетленному, были первой формой «космизации» теологии, первым религиозным постулатом в сфере человек — космос.

При этом возникал парадокс: несмотря на представления о вторичности всего земного, теология именно Землю помещала в самую середину, в центр Вселенной. В раннесредневековой науке господствовала геоцентрическая картина мира Аристотеля—Птолемея, которая позднее составила «естественнонаучную» базу более широкой, философско-религиозно-этической доктрины Аристотеля — Фомы Аквинского о непреложном порядке мироздания, воздвигнутого божественным архитектором. Но в некотором отношении парадокс был только кажущимся: средневековая теология не отдавала какого-либо предпочтения Земле, пусть и занимавшей цен-

тральное положение в мироздании. Напротив, она создавала образ строгой иерархии архитектурно гармонизированной и в этом смысле идеально совершенной Вселенной, которая оставалась недоступной для физического проникновения в нее человека и окружала его «со всех сторон».

Церковь отрицательно восприняла негеоцентрическое учение Николая Коперника, с которым он выступил в середине XVI века, низведя Землю в разряд рядовых планет, обращающихся вокруг Солнца, и вот почему с Коперника, как писал Фридрих Энгельс, «начинает свое летосчисление освобождение естествознания от теологии»¹.

Еще более негативной и нетерпимой была реакция церкви на идеи Джордано Бруно, который через несколько десятилетий существенно развил и еще более революционизировал и без того революционное учение Коперника. Ведь польский каноник, помещая в центр мироздания Солнце, на периферии его располагал сферу «неподвижных звезд», то есть в общем сохранял архитектуру и «идеальность» Вселенной. Бруно же воспринимал Вселенную как живую и развивающуюся. Его идея множественности обитаемых миров предполагала множественность земель и... множественность богов. Мыслитель эпохи Возрождения по-своему разрешал возникавшее у него противоречие между единобожием и многобожием, утверждая, что вся природа есть бог. Но его формула при желании легко читалась и наоборот — бог есть природа. А это был бы уже атеизм.

В последующие десятилетия и столетия процесс «секуляризации» космоса, придания ему «светского» характера совершался активно и неодолимо — отчасти благодаря успехам астрономии, отчасти ввиду брожения умов, приближавшего эпоху буржуазных революций и открытого атеизма французских просветителей XVIII века. Их предшественник Бернар Фонтенель свободно, в непринужденно-эпистолярной форме развивал ту самую идею множественности миров, за которую взмолился на костер инквизиции Бруно.

Фундаментальные открытия астрономии в XVII—XVIII веках пробили первую брешь в непроницаемой стене между космосом и Землей. Когда Исаак Ньютон открыл закон всемирного тяготения, которому подчиня-

ется и Земля, когда М. В. Ломоносов обнаружил атмосферу у Венеры, похожую на земную, а Иммануил Кант и Пьер Лаплас выдвинули гипотезу о происхождении Солнечной системы, куда входит наша планета, из сгустившейся туманности, — тогда космос вновь обрел единство с земным миром. В этих условиях теология стала подчеркнута помещать бога вне материального мира вообще и расценивать последний — будь то мир земной или космический — как равносовершенное творение бога. Уравнивание всех областей «творения» и, значит, своего рода воссоединение космоса и Земли были второй формой «космизации» теологии, которая таким образом стремилась обеспечить себе неуязвимость под натиском астрономии, астрофизики, космологии, ибо эти науки еще до начала практической космонавтики сближали, пусть пока умозрительно и теоретически, космос с Землей.

Но не за горами было и сближение практическое: пробивала себе дорогу идея непосредственного взаимодействия человека с космосом, а не просто его созерцания. Позже, особенно с началом космической практики, космонавтики, эта идея потребовала от религии новой адаптации, стала причиной еще одной формы «космизации» теологии, а именно признания правомерности человеческой активности не только на Земле, но и за ее пределами. А до этого, на протяжении XIX и в начале XX века, она, эта идея, присутствовала в фантастике (классический пример — роман Жюль Верна «Из пушки на Луну») и в философии, где она переплеталась порою причудливым образом с теологией, что нашло, пожалуй, наиболее интересное отражение в так называемом русском космизме.

Это своеобразное явление общественной мысли представлено такими виднейшими, но и разноплановыми мыслителями, как философ-идеалист и «последний евангелист» Н. Ф. Федоров, основатель теоретической космонавтики и «философ космоса» К. Э. Циолковский, выдающийся биогеохимик и естественнонаучный материалист В. И. Вернадский. Стержневая идея космизма заключалась в рассмотрении человека в природном окружении не только Земли, но и Вселенной, в выдвижении и подчеркивании тезиса не только о сосуществовании человека и космоса, но и о взаимодействии между ними, в космизации самого понятия земного бытия и в

его постоянном видении как всего лишь части, момента бытия космического.

Можно встретить утверждение, что Николай Федорович Федоров, умерший в 1903 году, был философским предтечей космонавтики (46-летний Циолковский тогда еще не занимался вплотную философскими проблемами освоения космоса, хотя уже выступил с инженерно-техническими разработками межпланетных полетов). Бесспорно, многие высказывания Федорова в его фундаментальном труде «Философия общего дела» импонируют духу нынешнего космического века. Федоров выдвигал грандиозные проекты преобразования космоса, предлагая даже свести с вековечной орбиты саму Землю и превратить ее в управляемый «земноход» наподобие гигантского космического корабля². Но в отличие от Циолковского воззрения Федорова не содержали в себе ни грама научно-технической догадки или какой-либо инженерной мысли, а были всецело мистическими в том, что касается целей и смысла освоения пространства вне Земли.

Религиозный утопист, Федоров выступал за преобразование, «регуляцию» космоса по законам искусства и архитектуры, мечтал о возведении вселенского храма, в котором реализовалась бы идея «патрофикации», физического воскрешения «отцов» — умерших поколений. Центральная философская концепция «общего дела» предполагала культ предков, постоянную обращенность человечества не в будущее, а в прошлое. Федоров призывал к созданию гармоничной архитектоники космоса совершенно в духе античной пифагорейско-платоновской школы и тем самым к возрождению того идеального космоса, который долго служил опорой для религии и церкви. Таким образом, не вдаваясь в анализ федоровского учения, можно резюмировать: это был не последний евангелист, как его называли, а скорее первый религиозный модернист предстоявшего космического века. Его философия обладала характернейшими чертами религиозного модернизма: поощрение и прославление человеческого гения, его поистине беспредельных возможностей и одновременно стремление направить созидательную мощь человека в прежнее русло религиозного миропонимания.

Сегодня только что названная установка вовсе не считается модернизмом: церковь никоим образом не

стремится умалить возможности человека в человеческих делах. Но при жизни Федорова его концепция встречала суровое осуждение со стороны официальной церкви. Например, православные богословы никак не соглашались с утверждением Федорова о том, что Илия-пророк, грохочущий в своей колеснице по небесам, олицетворяет мощь человека, подобно тому как раньше его олицетворял бог-громовержец Перун. Нет, отвечали они, смертный Илия был взят на небо богом и ездит теперь не в своей, а в божественной колеснице и по маршрутам, которые указываются богом. Как человек, Илия бессилен.

Если вопрос о «философском претече» прорыва людей в космос до конца не ясен, то имя основоположника практической космонавтики как основателя также и философии освоения космического пространства не вызывает сомнений. Непреходящая заслуга Константина Эдуардовича Циолковского состоит в том, что он первым подлинно научно обосновал осуществимость, пути и цели выхода человека в космос. Как первый астроинженер мира, он не только предложил использовать принцип реактивного движения (известный еще со времен древнекитайских пороховых фейерверков) для путешествий в безопорном внеземном пространстве, но и разрабатывал проекты космических поселений с их системами жизнеобеспечения и целых цепочек этих поселений, «ожерелий», вокруг Земли и Солнца.

Циолковский выступил и с развернутым социологическим учением о взаимоотношениях космических поселенцев, дав картину мирного сотрудничества и взаимопомощи представителей человечества, обживающих Вселенную, а также доброжелательных контактов людей с иными цивилизациями космоса, в существование которых ученый глубоко верил. Всякая вражда и агрессия, всяческие «звездные войны» исключались им как несовместимые с достоинством человека и самим понятием разумности. Сейчас такая позиция воспринимается как естественная и само собой разумеющаяся, но тогда, в первые десятилетия XX века, это было подлинной революцией в социальном восприятии большого мира Вселенной, которая считалась враждебной человеку: в самом конце предыдущего века вышел в свет и вскоре приобрел долгую популярность роман Герберта Уэллса

«Война миров» — о массовом истреблении людей маршпанами.

Мыслитель из Калуги предвосхитил открытие нового и обширнейшего региона природы, освоение которого обещало беспрецедентно и комплексно развить человеческую практику, познание, мироощущение и мировоззрение. Вместе с тем собственно философские взгляды Циолковского двойственны: они сочетают в себе материализм с идеализмом. Циолковский, воспринимавший Вселенную как безусловно материальную систему и подходивший к ней с позиций ее практического освоения, в то же время придерживался веры в существование нематериального перводвигателя, управляющего мирозданием, что было сродни постулату Фомы Аквинского. В 1915 году он прямо писал: «Причину всего называем Творцом, Богом. То, что происходит, развивается, — ход этого развития, — зависит от начальной причины, вне природы находящейся»³.

Следует подчеркнуть, что для Циолковского это был не библейский бог, а так называемый «бог ученых», некое нематериальное начало, служащее импульсом для материального бытия. Далее будет показано, что бог в таком понимании и по сию пору занимает умы немало го числа естествоиспытателей, преимущественно зарубежных, которые осмысливают законы эволюции Вселенной. И все-таки к концу жизни Циолковский недвусмысленно сформулировал свое атеистическое по сути дела кредо, хотя и пантеистическое по форме, аналогичное тому, которое могло следовать из суждений Бруно. Вот оно: «Бог есть то, что распоряжается всеми нами, от чего зависит и судьба людей, жизнь и счастье всего существующего, судьба солнц и планет, судьба живого и мертвого. И такой бог есть, потому что это Вселенная»⁴. Кроме того, в богатом творческом наследии Циолковского множество работ и высказываний свидетельствует о стихийном материализме ученого-самоучки.

Владимир Иванович Вернадский... Главная заслуга его как естествоиспытателя и мыслителя заключалась в том, что он выступил с учением о ноосфере (от древнегреческого «ноос» — разум), «разумной оболочке» планеты Земля. С появлением человека жизнь на планете — биосфера — развивается, все больше подчи-

няясь не собственным бессознательным силам, а человеческому разуму. Биосфера превращается в ноосферу. На первый взгляд концепция ноосферы не имеет отношения к космосу. Однако масштабность человеческой деятельности в XX веке, которую Вернадский сравнивал с геологическими процессами на планете, превращает ее в космогонический, «вселеннообразующий» фактор, поскольку человек все более активно участвует в эволюции одного из матеральных образований Вселенной — планеты Земля. Ученый предсказывал человечеству и непосредственно космическое будущее: «Человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет»⁵.

Не менее существенной заслугой Вернадского, чем само его учение, было «освобождение» ноосферы от теологических ограничений. Понятие и термин «ноосфера» были введены в науку не Вернадским, а двумя французами — эрудированными специалистами и одновременно философами-идеалистами и теологами-модернистами Пьером Тейяром де Шарденом и Эдуардом Леруа. Имя палеонтолога и христианского эволюциониста Тейяра де Шардена было поднято на волне энтузиазма первых лет космической практики, подобно тому как это случилось с именем Федорова. Сам Тейяр был довольно равнодушен к перспективе реального выхода ноосферы за пределы породившей ее планеты, но его определение человечества как «центра конструирования универсума», «вершины антропогенеза, который сам венчает космогенез»⁶, соответствовало умонастроениям энтузиастов и социально-философских теоретиков космонавтики: ведь человек провозглашался, так сказать, стержнем мироздания, а его развитие выступало неотъемлемой частью и вершиной развития всего сущего!

Однако от учения Тейяра-модерниста, по сути, веяло религиозной архаикой, когда он утверждал, что само-то развитие всего и вся задается божественным перво двигателем (все тем же «богом ученых», хотя Тейяр и напрямую признавал существование бога, будучи членом ордена иезуитов) и что ноосфера конвергирует, сходится в некую «точку Омега», которая будет означать конец света. Тем важнее «материализация» Вернадским концепции ноосферы, обещающая человечеству нечто куда более привлекательное, нежели конец света: неуклонное восхождение на уровень Вселенной, решение

людьми своих собственных судеб не только в земной, но и в космической природе, которая их реально окружает.

Казалось бы, в эпоху практического освоения и использования человеком внеземных пространств космос окончательно вышел из поля зрения теологии, которая ныне считает его не недоступным людям владением бога, а частью природы, входящей в сферу человеческой жизни и практики. Тем не менее попытки связать идею бога именно с космонавтикой не прекращаются и по сей день.

Любопытная программа была выпущена не так давно для курса лекций о роли церкви в обществе, который читается при соборе Парижской богородицы. «Следует ли считать соперниками Божье творение и мощь человека?» — этот вопрос в тексте программы соседствует рядом с рисунком взлетающей ракеты. Собственно, из самой формулировки вопроса ясен ответ: нет, не следует. Теология теперь уступает космос человеку, но человека — так сказать, вместе с космосом — она по-прежнему приобщает к богу.

Несколько особняком, а точнее, даже совсем в стороне от официальной теологии стоит идея так называемого «бога-космонавта». После того как человек продемонстрировал возможность космических полетов, на какое-то время получила широкое распространение одна экзотическая гипотеза некоторых исследователей и писателей-фантастов за рубежом и у нас. Ее авторы и сторонники утверждают, что отдельные эпизоды Библии свидетельствуют о посещении нашей Земли представителями внеземных цивилизаций и что сам бог есть преобразованная в головах людей память о таких визитах вполне материальных инопланетных существ, принадлежавших к высокоразвитой в технологическом отношении цивилизации. Такова, например, притча о гибели городов Содомы и Гоморры, разрушенных либо ядерными взрывами, либо выхлопными газами от стартовых или садящихся ракет. Таково и видение пророка Иезекииля, видевшего спускаемый аппарат с его командиром, которого этот жрец Иерусалимского храма, реально живший в VI веке до нашей эры, разумеется, принял за самого Яхве.

Эта гипотеза встретила отрицательное отношение со стороны как науки, так и теологии. Ученые-библеисты находят вполне земные истоки и объяснения библей-

ских текстов. Теологи никоим образом не приемлют самую мысль о боге как материальном существе. Приверженцам идеи «бога-космонавта» приходилось делать выбор между наукой и теологией. И вот один из них, пожалуй, самый знаменитый из пропагандистов этой идеи, Эрих фон Дэнникен, чей фильм «Воспоминания о будущем» демонстрировался у нас в начале 70-х годов, сделал выбор в пользу... теологии. Он прямо отождествляет космический век человечества с его движением, как он полагает, к единому богу всех землян. «С пришествием космического века, — пишет он, — все ближе становится интеллектуальный Судный день. Теологические тучи разлетятся в клочья. Сделав решительный шаг во Вселенную, мы увидим, что существует не два миллиона богов, не двадцать тысяч сект и не десять больших религий, а одна-единственная»⁷. Под такой религией Дэнникен понимает отнюдь не веру в человека, которая могла бы быть завуалирована в только что приведенной пышной фразе, а самую настоящую религию — глобальную религию будущего, преодолевшую «раскол» на несколько мировых религий, существующих в наше время.

Таковы окольные пути к богу, которыми идут космические фантасты. А каков сегодня магистральный путь теологии в больших вопросах бытия и мироздания? Думается, что в этих вопросах теология отходит от конкретности бога как небожителя и от конструирования божественного варианта системы Земля — Вселенная и все больше приближается к той абстракции, которая выше была названа богом ученых. Уже сам по себе этот факт знаменателен: религия больше не считает, как это было в средневековье, науку «служанкой богословия», а сама стремится придать себе «научную» форму, фактически называя богом то, что не познано человеком.

Кстати сказать, на это даже трудно возразить, да и излишне возражать, поскольку речь идет лишь о названиях, о терминах. Но надо сделать одну существенную оговорку: непознанное рано или поздно познается. Правда, всегда будет оставаться другое, или «новое», непознанное. Например, космонавтика, буквально прощупав аппаратурой и датчиками многие планеты и их спутники в Солнечной системе и разрешив многие астрофизические и планетологические вопросы, еще больше воп-

росов поставила: почему в лунном грунте присутствует связанный кислород вместе с химически чистым железом? Откуда взялись на Марсе пересохшие речные русла, напоминающие наши земные? Почему переплетаются некоторые кольца Сатурна? Непознанного стало больше. Мы не задавались бы такими вопросами, если бы на Землю не был доставлен лунный грунт и не были получены фотоснимки Марса и Сатурна, сделанные с межпланетных космических станций. Таков естественный путь науки.

МАТЕРИЯ — ЖИЗНЬ — ЧЕЛОВЕК

Теологи утверждают, что существуют вопросы, вполне конкретные и животрепещущие, на которые наука якобы никогда не даст ответа. Для современной теологии характерен культ «начала». Даже само слово «начало» зарубежные философствующие богословы пишут с прописной буквы. Английский химик и член Кембриджского философского общества Роберт Кларк в книге «Бог за границами природы» говорит, например, что три акта возникновения — Вселенной, жизни и человека — всегда будут оставаться камнем преткновения для науки, ибо за всеми этими тремя «Началами» незримо присутствует бог¹.

Отрицать загадочность — на сегодня — трех названных Кларком поворотных пунктов в развитии мироздания, Земли и жизни на ней было бы по меньшей мере неразумно. Однако наука так или иначе приближается к разгадке этих, безусловно, непростых начал.

Непосредственный предшественник современного человека возник, как теперь установлено, примерно три миллиона лет назад и постепенно, благодаря зачаткам интеллекта, имеющегося у всех высших млекопитающих, и коллективному труду и его совершенствованию, приобретал то, что обозначается понятием «разум». Новейшая наука раскрывает генетический код и моделирует его элементы в генной инженерии, вплотную подступая к тайне появления всего живого. Наблюдаемая Вселенная, Метагалактика, обязана своим происхождением событию, случившемуся полтора десятка миллиардов лет назад, когда произошел «большой взрыв» сверхплотного «галактического яйца», размеры которого со-

поставимы с нашей нынешней Солнечной системой. Разумеется, с научной точки зрения это событие не было актом творения всего мироздания (как любят трактовать космологические гипотезы современные теологи), потому что Метагалактика — это хотя и гигантская, но лишь часть материального мира, другие объекты которого еще ждут своего открытия.

Надо сказать, что тайны бытия становятся менее таинственными, если упомянутые три акта созидания рассматривать не изолированно друг от друга, а в их взаимной связи. Даже библейской книге Бытия нельзя отказать в эволюционной последовательности: сотворив небо и Землю, бог стал достраивать неорганическую природу того и другого — отделил сушу от воды, разместил светила на небосводе — и, лишь обеспечив эти предварительные условия, приступил к сотворению жизни, притом после всех других живых видов, последним, был сотворен человек. Мы покажем далее не простую последовательность, а теснейшую связь всех этих созидательных процессов, которые столь естественно вытекают один из другого, что, как увидим, для волевых созидательных актов верховного творца в общем не остается места.

По некоей проницательности судьбы материалистическую гипотезу об образовании всего видимого мира из первоначального «галактического яйца» предложил в 20-х годах нашего столетия теолог и креационист (сторонник взгляда на возникновение мироздания как на результат акта творения, совершенного творцом, находящимся вне мироздания), бельгийский аббат Жорж Леметр. Правда, он не мог дать ответа на вопрос, откуда взялось само «галактическое яйцо» и почему оно взорвалось.

Теология не преминула воспользоваться отсутствием ответа и стала давать свой ответ: «яйцо» не было размером с Солнечную систему, а было математической точкой, то есть сущим ничем. И из этого ничего произошло все и всяческое материальное бытие, не переделанное из материи, находившейся ранее в каком-то неизвестном состоянии, а буквально сотворенное божественной волей.

Точкой «яйцо» не было. Приблизительно известна его масса, которая теперь разбросана по всей Метагалактике — это одна и та же масса. На основе ее вычис-

лена плотность вещества в обозримой Вселенной: от 10^{-29} до 10^{-31} граммов на кубический сантиметр. Также известна ныне наблюдаемая скорость разбегания галактик, свидетельствующая о силе взрыва. Отсюда ретроспективно и выводятся размеры «галактического яйца», далеко не «точечные», а протяженностью в несколько миллиардов километров, как и Солнечная система.

Но вот по поводу тогдашнего динамического состояния этого материального образования — состояния, приведшего к «большому взрыву», физики-материалисты действительно пока ничего не могут сказать и поэтому называют это состояние сверхплотного и сверхгорячего вещества сингулярным (особенным, странным). В нем действовали физические закономерности, которых современная физика еще не знает. Но, быть может, когда-нибудь будут открыты и «увидены» сингулярные состояния за пределами Метагалактики. Быть может также, такие состояния повторяются. Согласно одной из космологических теорий — теории осциллирующей Вселенной, последняя периодически, с интервалами во многие десятки миллиардов лет, сначала расширяется, а затем сжимается, «схлопывается» в сингулярность. Сейчас мы переживаем стадию расширения, которая продлится еще примерно пятьдесят миллиардов лет. Так что эта теория объясняет и само возникновение сингулярности.

А эхо минувшего «большого взрыва» фиксируется приборами в виде так называемого реликтового радиоизлучения, равномерно (изотропно) идущего к нам со всех сторон. Советские космические автоматические станции «Прогноз» улавливают его, пытаясь различить анизотропность, неравномерность, обнаружение которой позволило бы представить себе конфигурацию «большого взрыва», а она, эта конфигурация, дала бы некоторые сведения о структуре бывшего «галактического яйца», что было бы первым шагом к познанию физических законов сингулярности.

Креационисты утверждают, что в «галактическом яйце» не только содержалась некая структура, а было запрограммировано все последующее развитие Вселенной, включая возникновение жизни на Земле и человеческого разума как вершины жизни. Американский физик Хейнц Пейджелс в книге «Космический код» предпо-

лагает, что существует единый космический код, который представляет собой некое послание (от кого и для чего исходит это послание, остается открытым вопросом) и управляет не только естественными процессами во Вселенной, но и социальными процессами в человеческом обществе². О космическом коде в этом же самом смысле писали и не креационисты, а, например, советский астрофизик И. С. Шкловский в своей выдержавшей несколько изданий книге «Вселенная, жизнь, разум» и публицист Константин Кедров в эссе «Звездная книга» («Новый мир», 1982, № 9), по мнению которого, феномены человеческой культуры не произвольны и не случайны, а восходят к генетическому коду человека, в свою очередь восходящему к космическому коду мироздания.

Так как же, правы креационисты или нет? И все ли приверженцев теории «космического кода» следует считать креационистами, то есть людьми, в конечном счете верящими в божественное начало всего и вся? Конечно, нет!

Действительно, существуют общие законы эволюции Вселенной, которые определяют и исторически, и, так сказать, генетически возникшие впоследствии законы жизни и законы социального развития — человеческие законы. При желании пути и правила, по которым развивается Метагалактика, можно назвать космическим кодом. Но почему последний должен быть нематериальным «посланием»? Ведь тот первоначальный сгусток, который подробно был описан выше, имел плотность, температуру, протяженность, то есть был очень и очень материален. Что же касается дальнейшего развертывания свойств и возможностей материи, то в нашей триаде, обозначенной в заголовке этой главы (материя — жизнь — человек), каждая предыдущая ступень образует фундамент для последующей, то есть без первого не было бы второго, а без второго — третьего. Но это не значит, что фундамент, определяя какие-то параметры возводимого на нем строения, как это бывает и в обычном строительстве (площадь, вес), должен определять все детали конструкции (колонны, балконы и т. п.).

В современной космологии принят антропный (от древнегреческого «антропос» — человек) принцип, согласно которому человек мог появиться как «венец» земной жизни лишь потому, что сама жизнь на нашей пла-

нете возникла в результате действия совокупности условий, сложившихся во всей Метагалактике на определенной стадии ее развития. Как полагает Тейяр де Шарден (и тут он прав), вся природа мироздания стала «матрицей» духовного начала, представленного человеком на Земле. Так же и с употреблением этого же термина «матрица», хотя только лишь применительно не к мирозданию, а к Земле и ее биосфере, думает и советский исследователь, доктор философских наук Э. В. Гирусов, который считает, что люди в своей деятельности должны руководствоваться в качестве своеобразной «матрицы» всей суммой естественных законов, обеспечивающих целостность и жизнестойкость биосферы³.

Иногда антропный принцип дается в теологическом звучании: вся материальная Вселенная в своем развитии предназначалась для сотворения человека, которому — единственному из всех живых видов — была открыта возможность познать величие бога. Однако космологи-материалисты не считают синонимами понятия «направленность» эволюции Вселенной и «предопределенность» такой направленности, то есть ее заданность неким нематериальным началом. Вселенная, замечают они, могла развиваться и по-иному, а тогда не было бы нас с вами, а было бы нечто иное. Академик Н. Н. Моисеев пишет: «Живи мы в другой Вселенной с другими законами физики, все равно там были бы свои вариационные принципы, а значит, и своя «высшая целесообразность»⁴.

Что же это за «вариационные принципы» и откуда возникает направленность эволюции, пусть даже и всецело материальная и трактуемая материалистически?

В науке сравнительно недавно появилась новая дисциплина — синергетика (от древнегреческого «синергия» — совместное, кооперативное действие)⁵. Главная закономерность, открытая синергетикой, заключается в том, что всякая совокупность взаимодействующих явлений или предметов есть не простая их сумма, а еще и некое новое качество, которое как раз и обеспечивается взаимодействием этих явлений и предметов. К примеру, два человека, которые помогают друг другу, воздействуют друг на друга, — это не один и еще один человек, а именно два, образующие единое сообщество. То же самое, хотя и в разной степени и в разных отно-

шениях, можно сказать о двух или нескольких любых взаимосвязанных существах или вещах.

В мире, будь то мир живой или неживой, космический или земной, царствуют два начала, или два «бога», если угодно, — случайность и закономерность. Случайность обычно выступает, так сказать, инициатором, начинателем развития. Закономерность как бы рассматривает варианты, в изобилии предлагаемые случайностью, и отбирает стойкие и перспективные; сама же она этих вариантов никогда не создает и не предлагает. Так, коротко говоря, действуют эти «синергетические боги» в мироздании, в жизни, в обществе, в процессе всякого творчества и даже в написании этой брошюры.

Теперь оставим в стороне мироздание (хотя, как увидим дальше, оставим не совсем) и перейдем к жизни на нашей планете. По поводу возникновения жизни не утихают споры. В общем спорящие стороны тяготеют к двум полюсам — к теории академика А. И. Опарина о чисто земном происхождении жизни из «первичного бульона», образовавшегося на первичной Земле в результате мощных вулканических извержений, грозных электрических разрядов, не прекращавшихся ни на секунду, и других экстремальных по нынешним меркам условий, и к теории панспермии шведского физикохимика Сванте Аррениуса, по которой жизнь на Землю была занесена «спорами жизни» из космоса.

По-видимому, справедлива смешанная, «синтетическая» теория, к которой теперь склоняется большинство исследователей. В жестких и своеобразных условиях космоса создается «полуфабрикат» жизни — высокоорганические, непосредственно предбиологические соединения, вкрапленные в метеоритное и кометное вещество, которое иногда достигает атмосферы, а то и поверхности Земли, а в далекие времена обильно выпадало на планету. Здесь, в новых и весьма благоприятных условиях полуфабрикат доводится до фабриката.

Возникновение жизни на Земле и, быть может, на других планетах, у других звезд — это тоже «большой взрыв», как и возникновение Метагалактики, хотя и совершившийся в виде одного, у нас, или множества, по всей Вселенной, «малых взрывов» планетарного масштаба. Тут тоже остается немало загадочного и таинственного, и картина возникновения жизни пока представляет собой скорее не картину, а схематичный рисунок.

Жизнь на Земле, как и Вселенная, тоже имела различные вариационные возможности и пути развития. И надо сказать, что очень многие из этих возможностей и путей реализовались параллельно и совместно: сегодня на планете существует больше двух миллионов зафиксированных наукой живых видов, растительных и животных, а за всю историю биосферы, насчитывающую около четырех миллиардов лет, что немногим меньше возраста самой Земли (4,5—5 миллиардов лет), их прошло, наверное, несколько сотен миллионов.

В истории жизни совершался и совершается жесткий отбор жизнестойких и наиболее приспособленных видов и особей. Он-то и обеспечивал эволюцию живого, у которой тоже образовалась совершенно определенная направленность. В. И. Вернадский в своем учении о биосфере и ноосфере показывает, что жизнь с самого своего начала была чревата будущим разумным существом — человеком и что биосфера как бы предназначала себя стать ноосферой. Это не означает какого-то заранее заданного предназначения биосферы, а выражает собой естественную эволюцию живой природы, те самые аккумуляцию, кооперацию и борьбу за существование, которые отражаются, в частности, также и понятием «синергетика» и которые совершенствуют последующие поколения и виды в сравнении с предшествующими.

Историю живого на Земле начали прокариоты — бактерии без ясно выраженной клеточной структуры, размножающиеся делением и способные жить без кислорода (синезеленые водоросли и др.) в общем бессмертные существа, которые тонкой плесенью некогда покрывали всю планету. Потом возникли существа с нервной системой, которая, развиваясь, привела к образованию мозга и его мыслящей части — головного мозга. В биологии этот процесс получил наименование цефализации — роста головы.

Возникновение разума, это третье начало, реализация которого приписывается богу, может считаться и «третьим взрывом», потому что в развитии живого, да и всей материи, наступило новое качественное состояние: материя стала осознавать сама себя. Такой прорыв в новое состояние тоже загадочен, как и первые два прорыва, но загадочности здесь гораздо меньше.

Претендентов на звание «венца творения» и разумного представителя земной жизни было несколько. Это

и сообразительный енот, и довольно интеллектуальный слон, и дельфин, к которому человек с недавних пор стал относиться с почтением, подозревая в нем «брата по разуму» совсем рядом, а не из далеких звездных миров. Все они, как и многие другие высшие млекопитающие, отличаются также внутривидовой общительностью, коллективностью, то есть зачатками социальности.

Человеку помогло то, что мы сейчас, после Чернобыля, называем бедой. Существует гипотеза, что человечество начало свое движение по планете из меридианальной полосы в Восточной Африке, где близко к поверхности подходили залежи урановых руд. Повышенная радиация усилила мутацию в популяции единого предка людей и обезьян. Тем самым увеличилось разнообразие особей, некоторые из которых слезли с деревьев и стали всеядными, получили новую пищу для развития мозга, освободили передние конечности для целесообразной трудовой деятельности, изготовления орудий труда и изготовления таких орудий, с помощью которых можно было производить еще более совершенные орудия труда.

Лишь с появлением первых государств и письменности, в четвертом-пятом тысячелетии до нашей эры, человек едва-едва начал приобретать навыки абстрактного мышления. До этого он мыслил образами и умел лишь передавать картины и звуки окружавшего его мира своими наскальными рисунками, плясками, словами и жестами. Предшественники букв — пиктограммы и иероглифы — тоже были по существу картинками, изображавшими людей, реки, деревья, горы, небесные тела. Даже Ветхий и Новый заветы состоят преимущественно из конкретных притч, а не отвлеченных трактатов; последние получили развитие только в средневековом богословии.

Итак, человек стал «венцом творения». Он стал им не потому, что был сотворен на шестой, последний, день творения, а потому, что вобрал в себя все предыдущее развитие Вселенной и Земли и поистине оказался, по выражению Тейяра де Шардена, «осью и вершиной эволюции, что много прекраснее»⁶. Да, быть итогом эволюции всего мироздания — это, добавим мы от себя, прекраснее, чем быть слепленным из «праха зем-

ного», как гласит книга Бытия, без преемственной связи со всеми прежними путями и образцами творения.

СВЯЩЕННЫЙ ДАР ЖИЗНИ

Если человек будет думать, что он сотворен всего-навсего из аморфного праха, то ему трудно приобрести гордость и ответственность за всех своих создателей — от «галактического яйца» до обезьяньего предка. Из праха сделать — в каком-то смысле просто, из всей эволюции мироздания, Земли и жизни — сложно и почетно. Человек чувствует, что в нем сосредоточено все сущее. Недаром еще в античные времена возникло понимание человека как микрокосма — маленького воплощения и средоточия всего мироздания, или макрокосма.

Это значит, что человеческая жизнь, существование человеческого рода имеет ценность не только для самих людей, но и для всего мироздания. Утверждать так — не преувеличение. Пресечение, уничтожение рода человеческого было бы ликвидацией труда полутора десятков миллиардов лет, совершенного всей материей, было бы сокрушением той вершины, на которую взбиралось все сущее — от атома до человека.

Сегодня все церкви мира понимают и признают самоценность жизни человека и существования человечества и поэтому активно участвуют в движении за предотвращение угрозы ядерной войны, которая положила бы конец не только цивилизации, но и жизни на планете Земля. Они участвуют в этом движении со своим девизом: сберечь священный дар жизни.

Так было не всегда. Отношение к войне менялось в общественном сознании. Менялось оно и у церкви. Некогда она поддерживала и даже возглавляла захватнические войны. Вспомним крестовые походы европейских феодалов-рыцарей и крестьянских масс на Ближний Восток и в Малую Азию в XI—XIII веках ради «освобождения гроба господня» в Палестине, а также в попытке снова приобщить к Западу православную (восточную) церковь Византии.

Церковь, безусловно, поддерживала войны освободительные. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, победа в которой стала началом освобождения Руси от монголо-татарского

ига. В годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь духовно и материально участвовала в битве против фашизма за национальное выживание советского народа. Одним из символов этого участия стала созданная на средства церкви танковая колонна «Дмитрий Донской».

Теперь церковь всецело посвящает себя миротворческой деятельности. Ее вклад в дело мира самобытен и индивидуален, пополняя вклад таких, тоже самобытных движений, как «Врачи мира против ядерной войны», «Дети как миротворцы», движение «зеленых» и других экологов. Все эти движения выступают за мир со своих позиций — профессиональных, возрастных, конфессиональных. Но все они выступают и с позиции общечеловеческой — от имени и в защиту всех жителей планеты. Такова, пожалуй, главная особенность современного миротворчества.

Другой и не менее важной его особенностью выступит духовность в самом широком значении этого понятия. Материальных средств массового уничтожения людей, особенно термоядерного оружия, сегодня в мире накоплено столько, что его достаточно для более чем двадцатикратного уничтожения всего человечества, а значит, и для «гарантированного» уничтожения всякой жизни на планете, особенно если учесть такие последствия серии ядерных взрывов, как «ядерная ночь» и «ядерная зима», когда взметнувшаяся пыль и дым от огненных торнадо горящих городов, «дым и смрад», выражаясь библейским языком, на месяцы и годы будут застилать Солнце, и Земля промерзнет даже на экваторе. Духовное прежде всего, а вслед за ним и реальное, в виде политических соглашений о сокращении вооружений, противостояние такой устрашающей, апокалиптической перспективе — это и есть новое мышление в ядерную эпоху. Таким мышлением все больше проникается также и современная теология и церковь.

Надо отметить, что в этой благородной и спасительной ориентации современного мышления особую и весьма заметную роль играет Русская православная церковь. Английские исследователи в области социальной активности различных церквей Дэвид Ормрод и Алан Рейс пишут, что если для западного христианства долгое время типичной была «теология устрашения», повторявшая догму о якобы миротворческом значении самого

наличия ядерного оружия, способного побудить воздерживаться от его применения, то православная церковь на протяжении всех послевоенных десятилетий проповедовала «теологию разоружения» — отказа от обладания ядерным оружием вообще. При этом, подчеркивают они, Русская церковь выступает с этой своей позиции гораздо более независимо от государства (которое, добавим мы, по меньшей мере отчужденно относилось к церкви на протяжении большей части советской истории), чем это происходит на Западе, и тем самым приобретает большой авторитет как в западных религиозных кругах, так и среди неверующих повсюду в мире¹. А ведь эти авторы весьма далеки от того, чтобы восхвалять именно Русскую церковь, так что их суждения можно считать вполне беспристрастными и объективными.

Церковь не любит называть свою приверженность делу мира «борьбой». Она предпочитает называть ее «служением». Привязанность современной церкви и религии к миру настолько всеобъемлюща, что даже понятие «борьба» не приемлется ими, потому что оно ассоциируется с понятием «война». Можно спорить по поводу того, укрепляет или нет такой тщательный отбор понятий миротворческую роль церкви, но во всяком случае эта тщательность отбора свидетельствует об искренности и последовательности в неприятии всякого насилия.

Лет пять-шесть назад довелось мне беседовать о миротворчестве Русской православной церкви в одном из московских издательств, выпускающем среди прочего атеистическую литературу. Издатель, занимающийся этой литературой, рассуждал:

— Как вы думаете, почему церковь выступает за мир? Потому что мира хотят простые люди, верующие и неверующие. Попробовала бы церковь не бороться за мир! От нее сразу же отвернулась бы ее паства.

Значит, по его логике, если бы церковь нашла какой-нибудь другой способ умножения своей паствы, она пренебрегла бы служением делу мира. Получается какая-то торгашеская концепция, приписываемая церкви, но в принципе глубоко ей чуждая. Как тут не вспомнить изгнание Христом «продающих и покупающих» из храма как места, не подобающего для меркантилизма, — эпизод, о котором не преминули упомянуть все четыре

канонических евангелиста (Матф., 21, 12; Марк, 11, 15; Лука, 19, 45; Иоанн, 2, 14—15).

Сохранение и сбережение священного дара жизни зависит не только от усилий по предотвращению войны. В завершающие десятилетия XX века человечество переживает многосторонний экологический кризис, который, хотя подчас незаметно и коварно, грозит уничтожить цивилизацию и жизнь на Земле не в меньшей степени, чем угрожает совершить то же самое ядерная война.

Со скоростью одного живого вида в день, а к 2000 году это будет один вид в час, исчезает разнообразие животного и растительного царств — тех самых, которые господь, по Библии, сотворил непосредственно перед человеком. Неуклонно и с ускорением иссякают невозобновимые источники ископаемого сырья и энергии — омертвевшие сокровища прежних биосфер: уголь, нефть, сланцы, газ. Сроки исчерпания руд цветных металлов теперь исчисляются немногими десятилетиями. Дegrадирует атмосфера, загрязняются пресные и морские воды. Истощается и тончает озоновый слой в верхней атмосфере, созданный и создаваемый сначала как свободный кислород, растительной массой планеты и оберегающий все живое на Земле от смертоносных доз солнечной ультрафиолетовой радиации. Гербициды и пестициды рассеялись по почвам и водоемам, отравляя тонкий, всего в несколько десятков сантиметров, слой плодородных почв, кормящих всю планету — от цивилизации до дикой природы. По обширным равнинам расползаются пустыни, как раньше расползались ледники. Драгоценная жизнь хрупка, как всякая драгоценность.

Обо всем этом много написано и сказано за последние десятилетия. Лик планеты, отмеченный «мерзостью запустения», если выразиться опять-таки библейским языком, не менее страшен, чем «ядерная ночь» или «ядерная зима». Поэтому и протест ученых и общественности во всех странах мира против столь зловещей экологической перспективы имеет во многом те же формы, что и протест против угрозы ядерной войны: конференции ученых, страстные и гневные выступления в печати, демонстрации защитников природы у нас и за рубежом, даже прямые действия против браконьеров и загрязнителей среды, которые проводит, например, между-

народная организация экологов «Гринпис» («Зеленый мир»).

Естественно, не остается в стороне от этого процесса и церковь. Один из иерархов Русской православной церкви, митрополит Филарет, писал в связи с Тысячелетием крещения Руси: «В понимании Церкви мир означает не только время без войны, но и полноту жизни в мире со всеми людьми и в гармонии с окружающей природой»².

Да, гармония в отношениях между людьми и между ними и природой всегда была идеалом всех религий, в том числе и христианства. Святой Франциск Ассизский памятен католикам тем, что, по преданию, умел разговаривать со зверями и птицами. Но в сегодняшнем экологически ориентированном мышлении религии и церкви и в подчеркивании самценности земного бытия людей кроется, как и во многом ином, о чем мы уже говорили, определенная новизна позиций и перемена акцента.

Обратимся к Священному писанию. Бог создал человека, чтобы тот «владествовал» над природой Земли, гласит книга Бытия. Вся жизнь верующего была самовнушением бренности земного бытия, которое было лишь подготовкой к жизни небесной, точнее, потусторонней жизни вне земного бытия и вне природных небес, которые созерцает смертный. Не священный дар жизни, а юдоль, или, как теперь переводят на русский язык, долина плача (Пс., 83, 7) — вот жизненный путь земного существования человека, как учит Библия.

Американский историк Линн Уайт считает даже, что истоки нынешнего экологического кризиса следует искать в пренебрежительном отношении к земному бытию человека, — отношении, которое проповедуется религией. Прежние боги обитали на деревьях, в реках, в морях, а христианский небесный бог не несет на себе ни единого признака земной природы, отчуждая тем самым от нее человека. «Христианство, — пишет она, — резко отличаясь от древнего язычества... не только устанавливает дуализм между человеком и природой, но и всячески подчеркивает, что по воле бога человек эксплуатирует природу в своих собственных целях»³.

Конечно, как бы то ни было, не одна лишь религиозная традиция повинна в нынешнем экологическом не-

благополучии. К нему подвела вся многовековая система и методология природопользования. Человек долго относился к природе как к неисчерпаемой кладовой всяческих благ. Охотник и собиратель эпохи палеолита обладал экологическим чутьем и никогда не обирал природу, всегда изымая из нее только тот минимум, который был ему совершенно необходим для выживания, а природе позволял без труда восстанавливаться. И до сих пор среди местных (но не пришлых) звероловов нашего Крайнего Севера нет браконьеров. Когда же люди стали производить необходимые им средства и наступила эпоха неолита — скотоводства и земледелия, продолжающаяся до сих пор, — они постепенно отвыкли от законов и требований дикой живой природы. Городской житель часто оказывается неразумным хищником даже при собирании лекарственных трав, грибов или букетов цветов. Добывая полезные ископаемые, занимаясь морским и речным рыбным промыслом, человек еще не вышел из стадии палеолитического собирательства и охоты, но уже забыл экологическое чутье палеолита. А между тем рост промышленности и городов, умножение средств транспорта привели к деградации таких нужнейших человеку и всегда раньше обильных благ природы, как воздух и вода, и теперь к этим благам, которые и благами-то никогда не считались, тоже нужен подход с позиции бережливости и экологической мудрости.

Религия и теология долгое время не размышляли о разумных пределах эксплуатации природы, как не размышляли они о недопустимости всякой войны. То и другое пришло лишь теперь и стало составными частями нового мышления. Это новое мышление поистине ново, и возникло оно в условиях новых реальностей, будь то глобальная деградация природы или накопление оружия, способного вызвать глобальную катастрофу. Священные тексты и религиозная традиция не содержат его элементов, ибо тексты писались, а традиции складывались в совершенно иных условиях. Так что сама жизнь с ее перипетиями, трудностями и кризисами меняет традицию.

Попробуем разобраться более обстоятельно в этой спасительной перемене. Если мы станем рассматривать и истолковывать библейские тексты и религиозные традиции в современных экологических понятиях, то мы

увидим, что они проникнуты идеей безразличия и пассивности человека по отношению к окружающей его природе. Бог благоустроил на всей большой Земле для пралюдей Адама и Евы лишь небольшой участок в Месопотамии, создав там сад. Кстати, сад был идеалом природы в представлениях людей задолго до появления христианства и выражал собой идеал труда человека по сотворению «искусственной» природы и ее совершенствованию. Висячие сады царицы Семирамиды в Вавилоне, примерно там же, где бог устроил земной рай, были одним из семи чудес света и были сооружены рабами. Адам и Ева получили от господина все готовое и, следовательно, сами не научились возвращать, поддерживать и расширять эту крохотную культивированную часть планеты. Когда же они попытались познать мир, в котором живут, вкусив плод от дерева познания, они были с позором изгнаны из своей благоустроенной резервации.

Другая картина-идеал взаимодействия человека и природы, на этот раз относящаяся не к прошлому, а к будущему, завершает один из апокалипсисов — Откровение Иоанна Богослова. Там изображено триединство человека, города и живой природы. Прекрасный город с домами, облицованными драгоценными камнями, пересекается рекой с чистой водой, по обеим бережьям которой посажены деревья, плодоносящие каждый месяц, и даже листья их имеют целебные свойства (Откровение Иоанна Богослова, 22, 1—2). Но эта пышная гармония цивилизации и природы — не результат прогресса человечества. Совсем наоборот: в серии катаклизмов гибнут и люди, и природа, и лишь немногие и бездеятельные праведники получают в конце концов эту гармонию города, реки и деревьев в совершенно готовом виде и непосредственно с небес.

Таким образом, всякое улучшение и совершенствование природы исходит, согласно священным текстам, только от бога, а первоначально дарованное им человеку право «владычествовать» на Земле оборачивается для него катастрофами и катаклизмами. Тексты внушают, что сам человек «владычествовать» не умеет.

Надо сказать, что в каком-то смысле такое внушение справедливо, ведь само понятие «владычествование» над природой сродни понятию «покорение» природы — вполне атенстическому, но несостоятельному лозунгу

недавнего прошлого. «Покорение» природы привело к ее резкому, а подчас и катастрофическому сопротивлению. Это и пыльные бури над обширными распаханными полями, что случалось не только в США в XIX веке, но и на поднятой целине Казахстана в XX веке. Это и серно-кислотные дожди, губящие леса, и загрязненные реки, и обмелевшие или отравленные озера — от Великих озер Америки до Ладоги и Онеги у нас. Психология «покорения» и «владычества» росла и крепла, и одновременно человек уходил из деревень в города, теряя связи с природой и знания о ней, пока в конце века такое растущее и некомпетентное «владычество» не стало смертельно опасным.

Отношение к природе как к простому объекту эксплуатации, без знания и учета ее собственных нужд, ее восстановительных способностей, долговременных и сверхдолговременных последствий вмешательства человека в ее кругообороты веществ и в экологические пищевые пирамиды — все это в какой-то мере связывает воедино древнюю религиозную доктрину с «атеистическим» отношением, которое вплоть до недавнего прошлого было наивно или злоумышленно потребительским. Кстати, здесь уже можно констатировать связь и параллельность религиозного и нерелигиозного сознания — правда, пока еще отрицательную для человеческого существования связь. Но мы поговорим в следующей главе и о связях положительных, которые становятся гораздо более многочисленными.

Конечно, там и тут, в церковной и в «мирской» традиции, бывали счастливые исключения — примеры и образцы созидательного подхода к природе, ее обогащения и облагораживания. В суровом приполярном Беломорье, на Соловецких островах, монахи с XV века терпеливо устраивали северный «земной рай» — возводили архитектурный ансамбль монастыря, выращивали фауну и флору, которая почти вся была привозной: фруктовые деревья, виноградные лозы и теплолюбивые овощи в парниках, даже уроженец тропиков вечнозеленый баньян. Немало и «светских» экологически грамотных свершений вписано в историю Советской власти: осушение колхидских приморских болот, реставрация популяции зубров в Беловежской пуще, создание системы биосферных заповедников — от Северного Кавказа до острова Врангеля.

Однако это лишь локальные деяния, затрагивающие отдельные уголки природы. Глобально и тотально природа деградирует, загрязняется и истощается. Вот почему сегодня обе ветви общественного сознания — светское и религиозное — сплетаются вместе ради объединения усилий по спасению священного дара жизни. Для всех наступило время прозрения и действия — разумного и дальновидного. Теперь непригодны ни потребительская близорукость хозяйствования, ни чистая созерцательность по отношению к природе.

Тот факт, что в наше время церковь активно участвует в движении за мир, в экологическом движении и ставит своей целью уберечь от скоротечной катастрофы или медленного угасания священный дар жизни, жизни посюсторонней, земной, — этот факт знаменателен. Когда жизнь человеческого рода оказалась сразу под несколькими угрозами, она обрела новую ценность — очевидную и ясную ценность непрерывной преемственности сменяющих друг друга поколений людей. Пресечение этой преемственности и непрерывности было бы, по выражению из все того же Откровения Иоанна Богослова, «смертью второй» — прекращением существования рода человеческого в отличие от естественной «смерти первой» каждого индивида.

Ценность жизни человека на Земле с точки зрения научного мировоззрения заключается в том, как об этом уже говорилось выше, что человек воплощает в себе вершину саморазвития материи. С точки зрения религиозного мировоззрения эта ценность не абсолютна, а относительна: земное бытие человека служит подготовкой к бытию духовному в «царстве божьем». Но все-таки для тех и других она — ценность. И в этом, по-видимому, заключается основа всех позитивных связей между атеистическим и религиозным мировоззрением и сотрудничества верующих и неверующих.

ДУША И ЛИЧНОСТЬ

Когда заходит речь о взаимодействии человека с природой, порою как-то забывается, что и сам человек есть неотъемлемая часть природы и что природа находится не только вне, но и внутри него. Быть может, человек — самое тонкое существо природы, в наибольшей

степени ощущающее, чувствующее всю полноту жизни.

Почему это так? Потому что в человеке в отличие от всех остальных живых существ имеется нечто как бы надприродное. В философии это нечто называется социальной формой движения материи — высшей из известных нам форм. В социологии и этике оно называется личностью в отличие от индивида, рассматриваемого как просто животная особь. В религии — это душа.

Сразу же будем осторожны при таком разделении: человек един и неделим. Он индивидуален. Его физиология, психика, эмоции воздействуют на его мышление и социальные поступки, и наоборот, его мыслительное и духовное начало воздействует на все его «плотские» проявления. И все-таки человек действительно и бесспорно обладает тем, что мы только что обозначили как «нечто надприродное», будь то личность или душа.

Итак, душа и личность... Можно ли их совместить и сказать, что они в некотором смысле одно и то же? Можно. Их определенная идентичность признается и церковью. Выступая с докладом в Большом театре 10 июня 1988 года на торжественном акте по случаю Тысячелетия крещения Руси, митрополит Ювеналий привел высказывание на этот счет русского философа-славянофила первой половины XIX века И. В. Киреевского. По мнению Киреевского, влияние церкви на человека «заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоначальной неделимости»¹.

Все «отдельные части» сливаются «в одно живое единство». Так что же такое душа? Заметим предварительно, что в цитате из Киреевского встречаются вместе понятия души и личности.

Все религии мира учат, что душа есть нематериальная субстанция, неуловимая, неизмеримая, но всегда присутствующая в человеке и служащая для общения с богом. Сколько было гонений на душу в «наивный» период атеизма 20-х и 30-х годов, когда в человеке, в котором «анатомически» просматривались чувствующее

сердце и мыслящий мозг, нигде не находили души и торжественно провозглашали ее отсутствие. А между тем спор шел — в который раз! — только о терминах, и, отрицая наличие в человеке начала, именуемого душой, наука и атеизм фактически и правомерно признавали ее существование под другими названиями.

Возьмем определение человека, данное молодым Карлом Марксом: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². Иначе говоря, человек становится человеком только в качестве личности, то есть социального существа, которое может проявлять свою социальность не иначе как в общении с другими социальными существами. Изолированный от социального мира, человек постепенно дичает, и всякий одиночка, подобно потерпевшему кораблекрушение, который оказался на необитаемом острове, превращается в конце концов в человекообразное животное. Робинзон Крузо, литературный герой Даниэля Дефо, прожил на необитаемом острове больше двадцати восьми лет и не утратил человеческого облика. Реальные робинзоны, которых знает история мореплавания, дичали и лишались дара речи за пять-шесть лет. Личность человека складывается из восприятия им всех его повседневных или долговременных отношений с обществом. И если человек есть микрокосм, отражающий и впитывающий в себя макрокосм мироздания, то он есть и социальный микрокосм, отражающий в себе все богатство и разнообразие социального макрокосма своего времени.

Но то же самое представляет собой и то, что получило наименование души в религиозной литературе. Душа — не деталь и не орган человека, а его сущность. Если сказать коротко, душа есть общение, всяческая взаимосвязь. У религиозных людей — это общение с богом, с другими людьми, с природой; у нерелигиозных — тоже со всем и всеми, кроме бога. Но там и тут — общение. Так что при различии терминов получается и некое сходство в понимании самой сути человека атеистами, с одной стороны, и теологами — с другой. Как много было сломано копий в их взаимных дискуссиях, чаще всего бесплодных, потому что нарушалось основное правило всякой дискуссии: прежде чем дискутировать, надо договориться о значении и смысле терминов

и понятий, которые будут употребляться в дискуссии. Ведь мы только что — с помощью Маркса! — установили, что личность в определенном смысле столь же неведущественна и не грубо материальна, как и душа.

Утверждение неведущественности личности не противоречит, а напротив, полностью соответствует диалектико-материалистическому решению основного вопроса философии в пользу первичности бытия перед сознанием, поскольку личность, как мы показывали чуть выше, есть сумма, результат общения, контактов индивида с другими индивидами. Личность — это неотделимое от каждого конкретного человека и вместе с тем как бы витающее между людьми свойство, выражающее их социальную и духовную связь друг с другом, и выражает себя это свойство по преимуществу через сознание. В таком — но только таком — понимании можно утверждать, что личность есть сознание.

Могут возразить: но разве сознание бессмертно? Оно умирает вместе с его материальным носителем. А вот душа для верующего бессмертна, так что тут нет сходства, идентичности личности и души.

Но что такое бессмертие души, утверждение о котором представляет собой один из основных, если не самый основной, догмат веры и теологии? Подобно тому как мы попробовали нетривиально прочесть и истолковать тезис Маркса о сущности человека, попытаемся увидеть в новом свете и понятие бессмертия души, притом сделаем это без искажения, без фальсификации верования.

При поверхностной трактовке этого понятия оно мыслится как продление до бесконечности личного существования, и в этом якобы и заключается вся заманчивость догмата бессмертия, его притягательная сила. Мне представляется, что такая «количественная», а по сути дела себялюбивая и меркантильная, интерпретация души как бессмертной (подобно меркантильной трактовке со стороны некоторых атеистов участия церкви в движении за мир, о чем уже говорилось) не только уводит от истины вообще, но и противоречит глубинному значению самого верования.

Я утверждаю, что бессмертие души — это не количественное, а качественное понятие. Поистине гениальная догадка всех религий, быть может, выразившая подсознательное ощущение юного человечества, когда за-

родилось религиозное сознание, заключается в том, что в этом догмате обозначен факт пусть относительной, но и принципиальной независимости человеческого духа от человеческого тела, существование духа по своим, духовным, законам.

О том, что дух в определенной степени независим от тела, прямо говорили и древние римляне, еще до распространения среди них христианства. Любопытная метаморфоза произошла с одним афоризмом, происходящим из тех времен, который знают решительно все: «В здоровом теле — здоровый дух». То есть, как понимают этот афоризм ныне, укрепляй здоровье и будешь жизнерадостен и крепок духом. Как простенько и как примитивно! Как будто не было в XX веке блокадного Ленинграда или концлагерей, откуда выходили вконец истощенные телом и могучие духом люди. Однако древние не были столь просты и примитивны. Эта фраза взята из десятой сатиры древнеримского поэта Ювенала, почти современника евангельского Христа: «Надо молить, чтобы ум (дух) был здоровым в теле здоровом»³. А это означает следующее: если бы к здоровому телу еще добавить здоровый (не больной, не уродливый) дух, вот был бы гармоничный человек! Так что дух не находится в прямой зависимости от тела. А мысль Ювенала, усеченная и тем самым искаженная и извращенная, гуляет десятилетиями и столетиями.

Но если дух качественно отличен от тела, то зачем же прилагать к духу чисто физические мерки длительности существования, которые приложимы лишь к телу? О социальном, или духовном, бессмертии мы поговорим в следующей главе. А пока запомним только что отмеченную разницу.

Надо сказать и еще об одном обстоятельстве. Человек, констатировали мы, дичает в полном одиночестве, в отрыве от себе подобных. Но ведь хорошо известно, что религиозный образ жизни включает в себя отшельничество и затворничество, не говоря уже о замкнутой в себе жизни малых коллективов в монастырях или в старообрядческих деревнях. Да, такой образ жизни существует. Он нужен, как утверждают некоторые верующие, для сохранения веры в чистоте и для общения с богом без суетных помех; жизнь духа требует одиночества.

Что ж, малые коллективы существуют и в «атеистическом» варианте: жители полярных станций, экипажи космических кораблей, подводных лодок, жители отдаленных поселков. Бывает и «атеистическое» отшельничество и затворничество, занимающее какую-то часть жизни каждого: ученый, пишущий свой труд в тиши кабинета, яхтмен-одиночка, пустившийся в кругосветное плавание, просто человек, отвлекающийся от текущих дел. Одиночество бывает нужно для размышлений, но результатами размышлений люди всегда делятся друг с другом. Так, впрочем, поступали и «старцы» на Руси. Иначе исчезнет личность, а значит, исчезнет душа.

И еще о содержании понятия, будь то понятие личности или души. Думается, что главным компонентом этого содержания выступает нравственный идеал — правила и стратегия поведения человека в мире и среди людей. Я всегда относился с симпатией к тому, что сказано в Нагорной проповеди Христа. Она была записана евангелистами в жестокую эпоху рабства, физического и духовного, в эпоху междоусобиц, порабощения человека человеком. Поистине Новый завет был в свое время революцией в социальном мировоззрении! И недаром раннее христианство называют религией рабов, осознавших в себе людей.

Обратимся к текстам. «Блаженны нищие духом...» — так начинается Нагорная проповедь в изложении евангелиста Матфея. Это говорится не о духовно бедных людях, как может показаться, а о людях смиренных, самоотверженных, т. е. отвлеченных духовно от самих себя, от себялюбия, направивших все свои помыслы и чаяния к другим людям, о людях, как бы не существующих только в себе и для себя, а растворяющихся в других, уходящих в других. Иными словами, здесь говорится о личностях как раз и в точности в том понимании, какое мы привели ранее, опираясь на Маркса.

Блаженны правдолюбцы и миротворцы, говорится далее в Нагорной проповеди, и это вряд ли требует комментариев, ибо и теперь такие люди для всех выступают эталоном и идеалом личности. А затем много и подробно говорится о том, что недобрые деяния и недобрые помыслы суть одно и то же (примеры там приводятся всякие, бытовые и гражданственные: соблазн, прелюбодеяние, неверность данному слову). Мысль эта глубинна: ведь если личность замыслила нечто проти-

вочеловечное, то уже само это свидетельствует, что человек нравственно, душевно испорчен, порочен, пусть он и не совершил задуманного.

Я бы решился сказать, что кредо, принцип, нравственный идеал, содержащийся в Нагорной проповеди, представляется вполне приемлемым и пригодным для всего общества. Конечно, рефреном каждого стиха там выступает обещание «царства небесного» тем, кто будет соблюдать изложенные нормы. Но отнесем это к форме, к дани, принесенной чисто религиозному мышлению. Существо же там совсем другое, и это существо, мощный акцент, сделанный на самую суть дела, виден всякому читающему, включая верующего или богослова.

В годы перестройки, а особенно в преддверии и в дни празднования Тысячелетия крещения Руси наше государство и общество совершили крутой, можно сказать, тоже революционный, как и сама перестройка, поворот от гонений на церковь в 20-е и 30-е годы, отчужденного отношения к ней в 50-е, 60-е и 70-е годы к сотрудничеству, притом сотрудничеству не только в сбережении международного мира, но и в воспитании высоконравственного, гражданственного, социально раскрепощенного, сознательного члена и создателя нашего социалистического общества.

Некоторым, прежде всего поборникам традиционного, я бы сказал, «административно-командного» и во всяком случае невежественного атеизма, такой поворот показался странным и даже неприемлемым. Однако не надо забывать, что до перестройки мы пережили долгий период тоталитарного, подчас кровавого «социализма», отмеченного культа Сталина, и брежневского застоя с его стагнационными и кризисными явлениями в экономике и во всей социальной надстройке, включая нравственность.

Говоря обобщенно, на мой взгляд, произошел и все еще продолжается кризис личности, граничащий с ее распадом, — кризис, захвативший (и это самое страшное) очень большие массы людей и проникший во все иерархические ступени общества снизу доверху. Его проявления многообразны. Это и «монолитное» официальное единогласие, и одобрение даже безответственных и аморальных действий прежних «верхов», социальная апатия «внизу», потеря индивидуальностей и собственных мнений. Это мелкая и крупная коррупция —

взяточничество, воровство, кумовство, протекция. Это алкоголизм и наркомания, ведущие к прямому распаду личности, прежде чем распадется организм. Это психология вещизма, личного накопительства материальных ценностей, вызванная, кстати сказать, не избытком предметов потребления в общественном производстве, а их нехваткой, погоней за ними, что сразу влечет за собой избыточное заполнение духа, так сказать, образам еще не приобретенных вещей. Это и сопряженная с вещизмом некая «деловитость» семейно-брачных отношений, ведущая к цинизму, неверности, удручающе большому проценту разводов, устрашающей потере инстинкта материнства (и отцовства), когда матери оставляют детей в родильных домах и когда статус сиротства вынужденно, но и кощунственно распространяется на детей, чьи родители живы. Это и утрата чувства родины со стороны людей, легко и бездумно решающихся на эмиграцию, — граждан, у которых атрофировалась дающая каждому человеку его национальное и этническое лицо ностальгия по местам, где они родились и выросли. Это, наконец, растерянность у определенных групп людей от самой перестройки, ощущение себя «потерянными поколениями», всю жизнь строившими, как им кажется, совсем не то, что соответствовало их идеалам.

Вот как много личностных изъянов и ущербностей образовалось у нас. В научной классификации живых видов человек обозначается латинским словосочетанием «гомо сапиенс» — «человек разумный». Зарубежные советологи, специалисты, изучающие нашу страну, придумали выражение «гомо советикус» — «человек советский». И аттестуя его, они приводят кое-что из тех характеристик, которые только что были перечислены. Мы многие годы и десятилетия гордились званием советского человека. Гордимся и сейчас. Но разница между прошлой и нынешней гордостью заключается в том, что раньше мы гордились во многом слепо и без раздумий, то есть совершенно по-религиозному, притом не в лучших традициях самой религиозности. За рубежом о нас часто придерживались нелестного мнения. Теперь нас уважают, потому что мы встали на путь самоочищения.

По всем этим причинам мы и присматриваемся сегодня более вдумчиво к религиозной нравственности, пусть внешне привязанной к богу, не к человеку, но

зато накопленной и отточенной веками и тысячелетиями. Подобно тому как мы постепенно открывали для себя сокровищницу культуры в зодчестве храмов, в иконописной живописи, в колокольных звонах и литургических песнопениях, — подобно этому мы открываем, хотя и по-своему, не по-религиозному, сокровищницу мысли и нравственности в текстах Священного писания, которые представляют собой письменные памятники минувших эпох, отражают опыт и устремления социальных классов, целых народов и просто человека того далекого прошлого, когда зародились эти тексты. Многие элементы из этого опыта и устремлений оказались вечными, постоянно действующими, как вечны гениальные произведения искусства. Наконец, мы открываем для себя все вышеназванное в его единстве. Нельзя отделять искусство и внешнюю атрибутику от идей и убеждений, иначе не понять ни того, ни другого.

В июне 1988 года, в рамках празднования Тысячелетия крещения Руси, по телевидению демонстрировался документальный фильм «Храм». Там один монах из псковских Печер говорил, что икона смотрится лишь в храме. И действительно, в сумеречном, отблескивающем золотом интерьере храма, где колышутся пламена многих свечей, давая живые светотени, икона, которая и пишется-то именно для такого окружения, видится совершенно иначе, чем на белой стене залитого дневным светом музея. Да и входить в храм лучше, хорошо зная его предназначение и историю церкви, тогда и он предстает в ином свете.

Такое многоплановое внимание к религии и церкви не должно смущать тех, кого можно назвать традиционными атеистами. Религиозное сознание в социалистическом обществе — одно из проявлений плюрализма мнений, плодотворного для нашего дальнейшего развития. К тому же и само религиозное сознание и религиозная нравственность не стояли на месте в годы Советской власти, а претерпели хотя и трудную, порою мучительную, но позитивную эволюцию. В десятилетия репрессий, гонений и отчужденного существования церковь и верующие замыкались в себе и были, как правило, социально пассивны. Винить за это надо не их, а нас — за нарушение ленинских принципов взаимоотношений церкви и социалистического государства, за односторонний, монологический, а не диалоговый атеизм, который мо-

неполюбно владел средствами массовой информации и уклонялся от подлинных диспутов с религиозными оппонентами. Атеизм нуждается в перестройке и включается в нее, приучаясь к терпимости и вниманию к мнениям, принадлежащим к иному мировоззрению.

Оно, это иное мировоззрение, и иная этика в период перестройки тоже испытывают на себе воздействие перестройки. Церковь и верующие в нашей стране горячо поддерживают демократизацию общества и активно способствуют ее разворачиванию. Если раньше их самозащита и социальная пассивность были в определенной степени оправданы и, больше того, вокруг церкви, не только отделенной, но и отчужденной от государства, создавался ореол «мученицы», то теперь такая позиция ухода от социальной действительности и самоотчуждения от нее не имеет никаких оснований. Вот почему в приведенном в предыдущей главе высказывании митрополита Филарета есть слова о стремлении церкви содействовать тому, чтобы люди жили не только в мире без войн и не только в гармонии с природой, но и в мире и согласии между собой, то есть в коллективах любого уровня и любого социального «среза». Вот почему и на практике церковь все больше участвует не только в движении за мир на планете, но и в благотворительных акциях, призванных залечить такие лично-социальные раны нашего общества, как сиротство, одинокая старость и прочие виды нравственного неблагополучия.

Вернемся снова к экологии, но теперь уже в плане сугубо личном. Священный дар жизни конкретен: он священен для каждой жизни. И посягательства на него тоже конкретны. Все экологические беды причиняются людьми, как и вообще историю делают люди. В капиталистическом мире антиэкологической практикой занимаются монополии, жаждущие прибылей. В социалистическом мире ею занимаются ведомства, стремящиеся выполнить свой план и страдающие узковедомственным кругозором. Те и другие не глядят слишком далеко в глубину грядущих времен, когда антиэкологическая практика приведет к катастрофе, в том числе и к личной катастрофе каждого.

Сложилась парадоксальная ситуация: земная цивилизация, хозяйствующая на Земле, казалось бы, для блага всех ее жителей, хозяйствует так, что разрушается человек. За последние десятилетия повсюду в мире

увеличилось число новорожденных с врожденными пороками и дефектами, приближаясь к той черте, за которой живой вид, в данном случае вид «гомо сапиенс», генетически вырождается и погибнет. Растет число астматических и нервных заболеваний, вызванных промышленно-городскими агломерациями с их вредными выбросами с предприятий, выхлопными газами от автомобилей и децибелами шумов от того и другого. Широко применявшийся в недалеком прошлом инсектицидный препарат ДДТ сохранил свои следы во всех живых существах планеты и привел к последствиям самым неожиданным, таким, как, например, феминизация крыс-самцов в Канаде, и, как предполагает советский эколог Г. А. Беллер, может даже привести к пока внешней (в одежде, в некоторых повадках) феминизации некоторой части мужчин⁴. Не исчезнет ли в таком случае вообще мужской пол и, следовательно, воспроизводство людей? Конечно, это, к счастью, сомнительно, но поистине неисповедимы пути экологического кризиса и способы самоликвидации цивилизации и рода человеческого.

Менеджеры монополий и бюрократы ведомств — тоже люди. Больше того, управляющие и администраторы нужны и будут нужны при любых социальных системах. Но они нередко выступают бездушными и обезличенными рабами монополий и ведомств, деталями обезчелоченной машины, которая либо умножает прибыли ради прибылей, либо действует во исполнение ограниченного и бесперспективного «плана». Большая стратегия выживания и жизни человечества и человека вырабатывается не живыми функционерами и не механическими компьютерами, а индивидуальностями, личностями, душами, провидцами, такими, как Маркс, Ленин, Вернадский, Достоевский, Пушкин, Андрей Рублев, Рафаэль. Именно они выводят общество из порочного круга абсурдной бесчеловечности якобы «во имя человека». Именно они обеспечивают долгое будущее человечеству здесь на Земле.

Не смахивает ли только что сказанное на некое обоснование культа личности, который в свое время вылился у нас в репрессивную диктатуру? Нет, ибо речь идет теперь не о культе одной личности, а о культе личностей в целом и в отдельности, о духовности и личностной самостоятельности всех и каждого, которые обеспечиваются становлением и развитием правового госу-

дарства, что составляет одну из наших нынешних созидательных задач.

Из чего складывается сегодня экологическая стратегия, тактика и практика во всем мире и в нашей стране? Из исследований и предостережений ученых, публицистов и писателей на научных форумах, в книгах, брошюрах и газетах, в телевизионных передачах; в нашей стране — это предостережение против загрязнения Байкала, Ладоги, Онеги, против высыхания Арала и Кара-Богаза, против многократного превышения предельно допустимых концентраций загрязнителей в воздушном бассейне десятков городов. Она, экологическая стратегия, складывается из писем граждан в различные инстанции и в средства массовой информации, митингов и демонстраций, движения «зеленых», начавшегося в ФРГ и перешедшего в другие страны, включая нашу. Из воспитания в самом себе элементарной экологической культуры — не обирать, не вытаптывать, не захламлять природу; тут впору выступить с новыми заповедями, которые помнились бы столь же долго и прочно, как заповеди Моисея. Из пресечения разбойных акций браконьеров — от прямых рейдов на морских судах, принадлежащих организации экологов «Гринпис», против экологов в Мировом океане, бьющих китов, до юридических судов над охотниками за осетровыми рыбами, идущими на нерест, у нас в стране. Из субботников и воскресников по очистке национального парка Лосиный остров рядом с Москвой и посадки дерева у себя под окном. И, наконец, из государственных решений и мер в защиту природы.

Сегодняшний экологический почин разнообразен и во многом стихлен. Он не всегда дает результаты, и борьба трудна. Он плюралистичен и по действиям, и по участникам действий, но он един в том, что он направлен на созидание, творение, против разрушения.

ТВОРЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы начали с трех начал — возникновения того мироздания, которое мы знаем, возникновения жизни на Земле и возникновения человеческого разума. Всякому началу — свой конец, гласит народная мудрость, вполне подтверждая диалектику философов. Будет ли он у людей?

Религия и церковь дают утвердительный ответ на этот вопрос. Эсхатологические пророчества конца света обильно представлены не только в священных текстах, но и в их толкованиях на протяжении веков богословами, а особенно идеологами различных религиозных сект. От раннего средневековья восходит к нашему времени хиллазм (от древнегреческого «тысяча») — учение, приверженцы которого утверждали, что конец света наступит в 1000-м году от рождения Христа, а теперь они ждут конца в 2000-м году. Последовательная теология не привязывает конец света к круглым датам человеческой истории, относя хиллазм к суевериям, суетным верованиям, чуждым истинной вере.

Тем не менее все эсхатологи не посягают на бессмертие души, которая, как они считают, не исчезнет после всех катаклизмов и катастроф, а сольется с богом в вечном блаженстве.

О догмате бессмертия души мы уже говорили в предыдущей главе. Там мы подчеркивали качественную сторону дела. Но есть и количественная сторона. Тот факт, что предрекатели конца человечества — близко ли, далекого ли — пасуют перед человеческой душой, не случаен. Каким-то чутьем здесь угадывается мощь человеческого духа, который способен существовать дольше человеческого тела и даже творить руками последующих поколений живых людей материальный мир.

Первое — длительность духа — иллюстрируется всей историей культуры. Шедевры гениев далекого прошлого живут среди нас и, можно сказать, живут их личности: мы знаем подробности жизни, настроения, минуты вдохновения Пушкина; мы знаем великие борения, пламенную страсть, деловитость, сердечность Ленина. Личность бессмертна, индивидуальная личность, хотя и не каждая, конечно.

Была одна очень интересная идея у древних египтян. Они возводили пирамиды своим фараонам на века и тысячелетия. Сегодня они потрясают ученых и туристов титаническим трудом, создавшим геометрически правильные каменные горы на пустынной равнине в долине Нила. Но они возводили пирамиды, исходя из того, что их владыки будут жить в загробном царстве ровно столько, сколько будет сохраняться память о них у будущих поколений людей. Пирамиды должны были

поддерживать эту память. Думается, это безупречная и вполне атеистическая мысль.

Но не только в этом смысле бессмертна душа. Душа деятельна, и эта вторая особенность — самая главная в ней. Говоря о ноосфере, о человечестве как геологической силе по своей мощи, как силе, преобразующей планету, В. И. Вернадский с восхищением удивлялся тому, как может нематериальная идея, мысль, слово, то есть то емкое понятие, которое в Священном писании как раз и обозначается термином «слово», переведенным с древнегреческого «логос», где этот термин имеет более широкий смысл (слово, разум, сущность), — как может оно творить физический мир. «Здесь перед нами встала новая загадка, — писал ученый. — Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы?»¹

Это уже четвертое загадочное начало после тех трех, о которых мы неоднократно упоминали. Дух творящий, дух создающий — это уже не о боге, а о человеке. В истоках, в происхождении этот дух не несет в себе загадки. Как уже говорилось, человек постепенно приобретал и оттачивал свои умственные способности, разум, и это было нужно ему для выживания, для борьбы за существование с другими животными видами, которых было много на планете Земля. Теперь, когда люди увидели Землю из космоса, а в самолете ее можно облететь за полсуток, Земля кажется маленькой. Но и тогда, на заре человечества, она была точно такой же по размерам, и на ней было тесно для мирной и гармоничной жизни.

Таким образом, логос, слово, мысль, разум человека с самого начала несут на себе родовую печать действия, дела. Собственно говоря, этот же самый логический путь в трактовке мысли как деятельного начала, преобразующего материальный мир, прослеживается и при сопоставлении текстов Священного писания. Если первая книга Ветхого завета, книга Бытия, открывается словами: «В начале создал Бог...», — и мы их уже приводили, то Евангелие от Иоанна начинается иначе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Там и тут речь идет об одном и том же, и там и тут «слово» выступает синонимом созидания.

А вот любопытный фрагмент из одного монолога гётевского доктора Фауста, которого не удовлетворял

немецкий перевод Нового завета, и он приступил к собственному переводу:

«В начале было слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале мысль была». Вот перевод
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было дело» — стих гласит².

Поразителен и поучителен этот сплав мыслительных усилий автора первой книги Ветхого завета евангелиста Иоанна и классика немецкой литературы Гёте. Пытаясь проникнуть в суть соотношения между словом и делом и рассуждая о боге, они оперируют опытом человечества, которое за свою многотысячелетнюю историю нерасторжимо соединило слово с делом.

Итак, человек есть творец. Богословы могут допустить, что он повторяет в этом отношении бога, по образу и подобию которого он и сам был сотворен. Атеисты считают, что сам образ бога навеян опытом людей, создавших бога по своему, человеческому, образу и подобию. Но при диаметрально противоположных исходных позициях они, видимо, могут быть едины в итоговом мнении: человек постоянно творит свой мир вокруг себя.

Нынешние экологические диспуты когда-нибудь завершатся, и человек будет жить в согласии с природой. Но что это значит — жить в согласии с ней? Безусловно, не истощать, не загрязнять, не обезображивать. Однако человек должен оставаться человеческим существом, а не только природным. Человечество растет численно, у него растут потребности, духовные и материальные. Он строит жилища, прокладывает пути сообщения, производит продукты питания и предметы обихода. В наше время на планете нет уголка, где не ступала бы нога человека.

Люди и впредь будут благоустраивать планету, и в конце концов место дикой природы займет природа культивированная или, во всяком случае, контролируемая.

Уже сейчас первозданные и обитающие на воле животные виды в основном сосредоточены в заповедниках, которые в принципе представляют собой то же самое, что и городские зоопарки. Это и есть превращение биосферы в ноосферу, как учил академик Вернадский, и этот процесс неодолим. Надо только совершать его экологически грамотно, и такая грамотность уже давно проповедуется учеными: налаживать безотходные производства, повторять в производстве те круговороты веществ, которые совершаются в природе, где не образуется никаких отходов; регулировать потребности и освобождаться от излишних и ненужных, таких, как потребность в алкоголе, наркотиках, престижных предметах одежды, изготовленных из шкур и перьев животных и птиц, фигурирующих в Красных книгах как исчезающие виды; реставрировать и создавать эстетически ценные пейзажи, рекреационные зоны, чтобы вернуть людям духовное богатство созерцаемого роскошества природы, что много ценнее для психологического равновесия и удовлетворения, чем, скажем, богато обставленная квартира.

Да, планета будет благоустраиваться и будет трансформироваться кардинально, пусть и экологически грамотно. И тут мы подходим к вопросу, поставленному в начале этой главы: чем все это кончится? Или шире, хотя это будет тот же самый вопрос: есть ли у человечества конечная цель, есть ли смысл у человеческого созидания и каков смысл жизни? Старый философский да и богословский вопрос.

В современную эпоху научно-технической революции, ядерной угрозы и экологического кризиса получило новое рождение старое мировоззренческое кредо финализма — утверждение о конце цивилизации и человеческого рода на Земле, а значит, и бессмысленности постановки вопроса о смысле жизни, тем более о конечной цели. Но в отличие от прошлого, от эсхатологизма и хилиазма идею финала человечества разделяют ныне многие ученые, преимущественно зарубежные, которые далеки от религии и теологии и приводят вполне земные и материалистические обоснования в пользу своей точки зрения.

В 70-е и в начале 80-х годов мировое научное сообщество и общественное мнение познакомились с серией докладов специалистов и экспертов разных стран, подготовленных для Римского клуба — международной

организации ученых, озабоченных состоянием хозяйствования людей на планете. В этих докладах были обозначены жесткие естественные пределы, с которыми в очень скором будущем столкнется человечество, если мировое хозяйство будет развиваться такими же темпами и такими же технологическими способами, что и сейчас. Предсказывался «коллапс цивилизации» где-то в середине будущего века, когда человечество буквально задохнется на маленькой планете от загрязненных воздуха и воды, перенаселенности, нехваток продовольствия. Покойный президент Римского клуба Аурелио Печчи писал: «Достигнув апогея своего могущества, человек впервые с ужасом осознал таящиеся в этом могуществе опасности...»³

Высказывались и другие соображения в подкрепление финалистского тезиса, причем самые разнообразные. Говорили и о термоядерном побоище, и о генетическом вырождении, и о потере интереса к жизни, безразличии к собственной судьбе, вызванном столь мрачными перспективами. Американский публицист Джонатан Шелл в книге «Судьба Земли», отмечая удручающее привыкание масс людей к постоянной угрозе почти мгновенного ядерного самоистребления, с горечью делает вывод: «Общество, которое систематически закрывает глаза на непосредственную угрозу своему физическому выживанию и не предпринимает никаких шагов, чтобы спасти себя, не может быть названо психологически здоровым»⁴. И наконец, существует даже астрономический аргумент, приводимый финалистами: средствами современной оптической и радиоастрономии до сих пор не обнаружено ни единого признака активности какой-либо внеземной цивилизации, значит, утверждают они, всякая цивилизация во Вселенной гибнет до того, как успевает создать мощные радиопередатчики, сигналы которых были бы уловлены на Земле, или аппараты и сооружения, которые были бы визуально зафиксированы с Земли. А если гибнет всякая цивилизация вне Земли, то и земная цивилизация не составляет исключения.

Со всеми перечисленными опасностями, конечно, сталкивается современное человечество. Но нет ни одной из них, которая была бы принципиально непреодолима. В человеке как социальном существе не содержится ничего такого, что могло бы заранее «запрограммировать» конечную гибель человечества, земной цивили-

лизации. Во всяком случае, ни одному исследователю не удалось обнаружить такую «запрограммированность». Напротив, главное свойство человека, выражающее и конкретизирующее его разумность, — это свойство созидания, творчества. А творчество не имеет ни внутренних, ни внешних границ, оно беспредельно и бесконечно. Можно что-то разрушить, но разрушить разрушенное уже невозможно. Можно что-то создать, но это никогда не мешает новому созиданию.

Что же касается ненаблюдаемости иных цивилизаций в космосе, то, по одной из научных гипотез, если они вообще существуют в пределах, достижимых для нынешней земной астрономической и радиоастрономической техники, они могут находиться примерно на том же уровне, на каком находимся и мы, когда земляне только-только начинают осваивать ближний космос и еще далеки от возможности совершать путешествия к другим очагам разума во Вселенной. Так что чужие цивилизации могут пока оставаться незаметными и слишком «тихими» для нас. Такая цивилизационная равномерность развития вполне согласуется с единством самого процесса эволюции Метагалактики и составляющих ее галактик.

А на Земле уже теперь намечаются сдвиги в сторону преодоления экологических неурядиц. Наука, медицина, здоровый образ жизни вполне способны ослабить и устранить действительно опасные тенденции, ведущие к повреждениям генетического кода и генетическому вырождению. Год 1988-й, возможно, был поворотным в сфере накопленных смертоносных вооружений: СССР и США ратифицировали и привели в действие договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности; затеплилась надежда на спасительную «гонку разоружения». Осознание преодолемости всех этих зол устраняет и опасность потери интереса к жизни. Так что от системы доказательств, предъявляемых сторонниками концепции финализма, не остается ровным счетом ничего. Остается противоположная концепция антифинализма, утверждающая возможность неограниченного существования человеческого рода и общества в направлении к будущему.

Может показаться, что рассуждения о финализме или антифинализме слишком абстрактны, относятся к

далеким временам и не затрагивают повседневных забот нынешних поколений людей. Однако вряд ли они совсем уж абстрактны и бесполезны. Финализм побуждает людей уже сейчас пассивно ожидать своей судьбы. Антифинализм уже сейчас побуждает их действовать; в этом — его социальный пафос. И не просто пафос веры, ни на чем не основанной, а пафос уверенности, которая базируется на точном анализе сегодняшних реальностей и постоянно растущем знании возможностей и предназначения человека — уникального существа Земли и, быть может, уникального для обширных космических пространств, где пока не обнаружено ни иных цивилизаций, ни даже простейшей жизни.

В любой повседневности и даже в тяжкие годы человек размышлял о своем месте в мире, о смысле своего существования. Наше время деловито. Деловитость — хорошее качество, его нам долго не доставало. Но одна-единственная, стопроцентная деловитость делает человека чудовищем. Не «деловитое» ли отношение к жизни, выражаемое в себялюбии и своекорыстии, породило в недавние десятилетия субъекта, отошедшего и от социализма, и от всякого коллективизма, от простой человеческой солидарности, — того самого субъекта, которого не назовешь по-русски советским человеком, а можно обозначить лишь как «гомо советикус» в нелестном смысле, о котором мы говорили? Мирозрение — такое же неотъемлемое качество человека, как и способность быть создателем. И то и другое качества, взятые вместе, как раз и питают антифинализм, устремленность в бесконечность — установку, единственно достойную человека.

ЗА СЕРДЕЧНЫЙ МИР

На протяжении всей брошюры автором ее высказывалось, как ему кажется, не просто уважительное, а внимательное отношение к религии, притом не только к атрибутике церкви — храмам, иконам, песнопениям, — за которой давно признается культурная ценность, но и к догматам богословия, к идеям, умонастроениям и чувствам верующих. Я пытался вывести на уровень серьезного и компетентного разговора эту далеко не однозначную тему, как неоднозначна сама жизнь. Я хотел

отказаться от поверхностной и неэффективной или даже «обратно эффективной» атеистической пропаганды, потому что я думаю, что перестройка — это всерьез и надолго и что она также есть и перестройка в сторону глубокого понимания всех вещей, как и в сторону единения всех советских людей.

Автор — атеист. Не воинствующий в духе 20-х — 30-х годов и не положивший атеизм своей профессией, а считающий, что, может быть, и слово-то это надо заменить на другое: религиоведение, или что-то в этом роде. Но — атеист. Поэтому пора определиться, сформулировать четко и честно свое отношение к мировоззренческим, философским и социальным аспектам феномена религии и церкви.

«Религия — опиум народа» — этот афоризм Маркса знают все атеисты, да и не только они. Если взять, да еще заучить только эти три слова, то можно внушить себе, что религия есть всего-навсего нечто одурманивающее, создающее временную эйфорию, но в конце концов отравляющее и убивающее человека. Можно и пошутить, как это делали Ильф и Петров в «Двенадцати стульях» устами Остапа Бендера, спрашивая отца Федора: «Почем опиум для народа?»

Всесторонняя перестройка воплощается и в том, что социалистическое государство налаживает с церковью нормальные и взаимно доброжелательные отношения. Нужно ли в таких условиях отказаться от Маркса в вопросах религии? Нет, ибо это было бы примитивным подходом к сложной и умной перестройке, неотъемлемая часть которой — возвращение к истине, притом во всей ее полноте. Нужно вернуться и к мысли Маркса. Я не оговорился: именно вернуться, ибо из высказывания Маркса была выдернута заключительная фраза, которая стала категоричной и приказной и долго побуждала к гонениям на церковь и верующих со стороны «воинствующих безбожников». Здесь случилось примерно то же, что и с афоризмом Ювенала о здоровом теле и здоровом духе. Реставрируем же целиком Марксово положение: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия — есть *опиум народа*»¹.

По прямому смыслу этого Марксова высказывания, религия есть утешение страдающего народа, не действительное, ничего не решающее, но утешение. Так что это

своим не тот опиум, к которому среди прочих наркотиков прирастали наркоманы. Наркомания во многом происходит от бездуховности и охватывает людей, как правило, материально благополучных. У Маркса же речь идет о трагическом и трогательном состоянии душ страждущих. «Сердце бессердечного мира», — как поэтичны и политичны (тактичны) эти слова, как они научно точны и как актуальны сегодня!

В годы перестройки, когда мы заново открываем в нашей истории великое множество ранее замалчивавшихся, а то и запрещенных произведений художественной литературы, политической публицистики, даже бессловесной, а лишь образной живописи и музыки, мы вновь открываем как предмет познания религию, церковь, ее историю и традиции, ее искусство, ее эстетику и этику, тоже составляющие ту важную часть человеческой культуры, без которой мы были долгое время обеднены.

Фактически эта часть культуры проникала во всех нас издавна. Сюжеты из Ветхого и Нового заветов господствуют не только в живописи Возрождения. Десятки, если не сотни, пословиц и афоризмов мы повторяем по разным поводам, подчас не подозревая об их библейском происхождении. В этой брошюре по ходу повествования приводились некоторые из них. А вот еще: «возвращение блудного сына», «не мечите бисера («не бросайте жемчуга вашего» — Матф., 7, 6) перед свиньями», «терновый венец», «испить горькую чашу страданий». И даже принцип, ставший социалистическим: «Если кто не хочет трудиться, то и не ешь» (Второе послание апостола Павла к фессалоникийцам, 3, 10). Щемящие душу беседы о нравственности между Иисусом Христом и Понтием Пилатом представлены в романах Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и Чингиза Айтматова «Плаха».

Итак, если бы не стало ни единого сердца в бессердечном мире, это была бы катастрофа, притом похуже ядерной или экологической, потому что в таком мире человек мертвеет, оставаясь живым. И верующие, и неверующие хотят сердечного мира.

Каковы же наиболее устойчивые элементы той почвы, на которой взращивается религиозное сознание?

Как мы показывали во второй главе, в большой науке, а значит, и в большом мировоззрении, неуклонно

идуших вперед к познанию мира вширь и вглубь, всегда будет оставаться и даже расти доля непознанного. Идеальная конечная точка на этом пути — абсолютная истина — недостижима никогда. Категория абсолютной истины именно в таком качестве недостижимости давно признается философией диалектического и исторического материализма. Если ее называют иначе, то получается «бог ученых», о котором мы тоже говорили. Но разница в названиях не меняет существа этой категории. Между ними, однако, имеется немаловажный нюанс. Под абсолютной истиной чаще всего понимается вся совокупность знаний о мире, которая, конечно, никогда не может быть исчерпана, ибо эта совокупность бесконечно велика, тем более в мире, не пребывающем в покое, а развивающемся. Под «богом ученых» понимается абсолютное начало, управляющее миром. Но опять-таки здесь может крыться просто иное наименование общих законов эволюции, о которых мы обстоятельно говорили. Ученые придут когда-нибудь к согласию о терминах, и «бог ученых» исчезнет.

В повседневной и реальной жизни дело обстоит сложнее. Сооружая в наших головах идеалы общественного устройства, мы как-то забываем (как забываем и о неотрывности человека от природы) о вечных спутниках индивидуального человека — восхождении от юности к старости, личных бедах и трагедиях, подсознательной увлеченности необычным и сверхъестественным, тенденции к пассивности и поискам некоего защитника. Все это будет сопровождать человека при любом общественном строе и в сколь угодно далеком грядущем. И все это находит отклик и выход в идее существования бога. Бог страждущих народов может уйти в историю, когда исчезнут страдания народов. Бог страждущего человека, думаю, будет оставаться гораздо дольше — быть может, всегда, потому что всегда найдутся страждущие люди. Кстати, и сама религия и церковь все больше обращаются теперь как раз к личностному миру каждого конкретного человека.

Будет ли расти число индивидуальных обращений к богу? Наверное, будет. Будет до тех пор, пока другие социальные институты не проникнутся не общим и безличным, а дифференцированным и «адресным» вниманием к каждому человеческому существу. Этому им надо учиться также и у церкви.

Во всяком случае, быть ли мужественным и чтить человеческое достоинство или же ждать спасения или кары свыше — дело личного выбора каждого. Будущее даст свои формы проявления рационального и иррационального в человеке, разумного и душевного. Можно ли будет называть это атеизмом и религией? Трудно сказать. Но, как мы старались показать в этой брошюре, религия и церковь, имеющие многовековую историю, не пребывают в покое, а развиваются, меняют доктрины и жизненные установки.

Религия и церковь нашего времени бережно относятся к прошлому. Этому тоже надо у них учиться. Но вот вопрос: как отнеслись бы ранние христиане к современному верующему, например, в нашей советской стране — грамотному, развитому, социально активному и духовно свободному, созидающему и улучшающему свою земную жизнь? Признали бы они его своим? Уже в самой постановке таких вопросов просматривается путь к совсем иному различению людей, чем то, которое существует сегодня: верующие и неверующие.

ПРИМЕЧАНИЯ

Приглашение к диалогу

¹ John W. Alexander. What Is Christianity? Downers Grove. — 1969. — P. 13.

Подвижная картина мира

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 347.

² См.: Федоров Н. Ф. Сочинения. — М., 1982. — С. 523.

³ Циолковский К. Э. Образование Земли и солнечных систем. — Калуга. — 1915. — С. 5.

⁴ Циолковский К. Э. Есть ли бог? // Архив АН СССР, ф. 555, оп. 1, ед. хр. 474, л. 1. — 1932.

⁵ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988. — С. 510.

⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1965. — С. 35—36.

⁷ Erich von Däniken. Chariots of the God? Unsolved Mysteries of the Past. — London, 1972. — P. 71.

Материя — жизнь — человек

¹ См.: Robert Clark. God beyond Nature. — Exeter, 1983. — P. 31.

² См.: Heinz Pagels. The Cosmic Code. Quantum Physics as the Language of Nature. — New York, 1982. — P. 343—349.

³ Гирусов Э. В. Влияние идей В. И. Вернадского на перестройку мировоззрения // Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции «Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере». — Иваново, 1988. — С. 4.

⁴ Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. — М., 1987. — С. 46.

⁵ О синергетике как науке см.: Хакен Г. Синергетика. — М. 1980.

⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1965. — С. 38.

Священный дар жизни

¹ См.: David Ormrod and Alan Race. Building a Theology of Disarmament in the USSR // Theology. — London. — May 1985. — P. 189—199.

² Митрополит Филарет. Тысячелетие // Международная жизнь. — 1988. — № 5. — С. 51.

³ Lynn White. The Historical Roots of Our Ecological Crisis. — In: Behavior and the Environment: Interactions between Man and His Physical World. Chicago. — 1974. — P. 23.

Душа и личность

¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. — М., 1911. — Т. 1. — С. 275.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 3.

³ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. — М., 1960. — С. 230.

⁴ См.: Беллер Г. А. Экзамен разума. — М., 1988. — С. 51.

Творение продолжается

¹ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988. — С. 509.

² Гёте. Фауст / Пер. Б. Пастернака. — М., 1960. — С. 83.

³ Печчен Аурелио. Человеческие качества. — М., 1985. — С. 245.

⁴ Jonathan Schell. The Fate of the Earth. — New York, 1982. — P. 8.

За сердечный мир.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 415.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАРОДНЫЕ КАЛЕНДАРИ

История хронологии утверждает, что наряду с государственными календарями все народы мира пользовались более древними вариантами календарей. Эти календари обычно представляются как довольно примитивные системы, предназначенные для регулирования столь же примитивных приемов хозяйствования. Однако изучение народных календарей приводит к выводу, что они сыграли выдающуюся роль в познании человеком природы и мира, они были тем рычагом, который позволил человечеству перейти к производящим формам хозяйства — животноводству и земледелию. Постигание мира в пору раннего неолита шло, разумеется, в рамках религиозной традиции. Это значило, что в восприятии людей того времени мир реальный не существовал изолированно от мира духовного.

Народный календарь — это область на стыке религии (языческой) и практики: каждая его дата являлась одновременно и важной всхой в хозяйственном цикле, и временем совершения молений и магических действий. В психологическом плане это означало, что человек воспринимал землю как нечто одухотворенное, даже как вполне живое существо, отсюда те бережные заботы о земле, которые в конечном счете вели к успеху хозяйствования. Эта сторона дела объясняет живучесть народных календарей и в эпоху господства мировых религий (христианства, ислама), несмотря на постепенное выветривание языческого антуража. Это обстоятельство, а также чисто рациональный подход к народным календарям как к своеобразным энциклопедиям агрономических и метеорологических знаний объясняет их популярность. Начиная с

этого номера, в брошюрах серии периодически будут публиковаться материалы под новой рубрикой «Народные календари». Предлагаем вашему вниманию первую публикацию на эту тему: «Праздник весны в Китае».

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ В КИТАЕ

Главным всенародным праздником, который в Китае считали началом жизни, был Новый год (Синь-Нянь), приходящийся по лунно-солнечному календарю¹ на первый день новой луны, получивший название праздника весны. Уважая многовековые традиции, привычки и обычаи народа, правительство КНР сохранило празднование, и для его проведения было установлено три нерабочих дня.

Остановимся кратко на традиционных обычаях и поверьях, связанных с празднованием Нового года в Китае.

Существовало поверье, что 23-го дня 12-й луны бог—хранитель семейного очага Цзао Цзюнь улетает на небо к верховному племени Юй Ди (Яшмовому императору), чтобы сообщить ему о хороших и плохих поступках, совершенных семьей за прошедший год. За добрые дела воздается счастье, а за плохие поступки семья может достигнуть беды и неприятности. И вот вся семья провожает своего Цзао Цзюня на небо. У очага для приготовления пищи над печатным изображением духа наклеивается обращение к духу очага с просьбой оградить ее от любых неприятностей. Слева наклеивается напоминание: «Поднимешься на небо, не забудь о наших хороших делах». Перед изображением духа, чтобы задобрить его, ставилось белое новогоднее пирожное-няньгао и другие сласти, приготовленные из вязкого риса, фиников, арахиса, а также ячменный сахар, чай и вино. Липкие кушанья должны были склеивать духу губы, отчего он не сможет открыть рта и сообщить Юй Ди что-либо нежелательное. Ячменный сахар и другие сласти, как это считалось в народе, сделают речь его такой же сладкой, как сладок сахар.

Глава семьи совершал молитву духу очага, зажигал свечи из растительного воска и ароматические курительные палочки. После окончания процедуры прощания изображение духа сжигалось, символизируя этим уход Цзао Цзюня на небо. Через неделю, когда наступит Новый год, дух возвратится с неба, над очагом будет повешено новое изображение духа. Обильная и вкусная пища ставилась также перед изображением богов Цай-Шеня (духа богатства), Фу-Шеня (духа счастья), Си-Шеня (духа радости).

При каждом состоятельном доме обязательно был храм предков — небольшое здание с двусторчатными дверями, выходящими на юг (нань-фан)². В храме стоял стол с табличками душ усопших предков. У бедных людей в домах ставились небольшие бож-

---

¹ После Синьхайской революции 1911 г. в Китае начал применяться григорианский календарь, а после образования КНР он признан официальным календарем, по которому Новый год приходится на 1 января.

² В Китае кладбищ, таких, как в Европе, не было. Умерших хоронили на земле участка, примыкающего к дому (фанзе).

ищи (кпоту) с табличками душ. В старом Китае верили, что будто бы душа человека бессмертна, и поэтому в самом бедном доме перед табличками, куда якобы переселились души умерших, ставились лучшие кушанья и вина.

После того как уборка в доме завершалась, женщины украшали помещения новогодними красочными картинками (няньхуа). Этот обычай насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю. На картинках изображались чаще всего дети, женщины, цветы, животные, бытовые сценки из популярных опер и т. п. Окна и двери украшались парными полосками из красной бумаги с изречениями, написанными тушью (чуньянь) и содержащими пожелания большого счастья и радости в новом году.

В древние времена в эпоху Хань (Ханьшидан) (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) картинки исполнялись примитивно. Это были гравюры на камне. Позже, уже в эпоху Пяти династий (Удай) появились гравюры на дереве. Впервые новогодние картинки с помощью гравюра на дереве были изготовлены в XI в. В XVII в. появились так называемые янлюинские картинки, отличавшиеся большим разнообразием и более искусным исполнением. Они выполнялись в традиционном классическом стиле китайской живописи. Людей изображали анфас, одежда выполнялась яркими живописными красками, детей и женщин рисовали большеголовыми. Картины, вывешенные под Новый год, создавали праздничную обстановку и поэтому были любимы широкими массами.

Кроме парных красных полосок, на обе створки дверей наклеивались изображения стражей ворот (духов дверей). О происхождении поверья о духах дверей и обычая наклеивать под Новый год их изображения на дверях существует несколько легенд. По одной из них во времена седой древности жили охранявшие восточный (дунфан) и северный (бэйфан) входы в небесный чертог два брата-богатыря — воинственные повелители демонов Шэнь-ту и Юй-де. И вот люди для защиты от злых духов стали вывешивать на дверях цветные изображения братьев-богатырей. Но есть и другие объяснения этого обычая. В частности, существует легенда, по которой второй император Танской династии (VII в. н. э.) Тайцзун тяжело заболел, и ему по ночам якобы слышались голоса демонов, и они до того его одолели, что он не мог заснуть. Испуганный, он обратился за советом к своим верным военачальникам Цинь Шубао и Юйци Гун. Храбрые военачальники решили с наступлением ночи охранять императора у дверей его опочивальни. При такой грозной страже злые демоны умолкли, и Тайцзун быстро оправился от болезни. После этого, чтобы навсегда избавиться от дьявольских козней, император велел художнику изобразить на дверях как своих телохранителей цветные фигуры Цинь Шубао и Юйци Гун. С тех времен в Китае повсеместно закрепился обычай вывешивать под Новый год на створках дверей изображения телохранителей Танской династии.

В 12 часов — канун Нового года — на семейный стол ставилась табличка с именами предков, положивших начало семье, а под табличкой список всех умерших родственников, а также выносили жертвенный столик с праздничным богатым угощением для душ предков. Вечером, накануне Нового года, накрывался праздничный стол. Зажигались красные свечи и фонарики.

И вэт полночь. Наступил Новый год за стенами зданий.

Приход его встречался оглушительной пальбой из петард и ракет, треском хлопушек, боем в гонги и барабаны. Запускались многоцветные фейерверки (яньхо). Треск хлопушек, усиливаясь, достигал апогея на рассвете. В дни праздника запусками ракет и хлопушек в Китае увлекались (и увлекаются поныне) не только дети, но и взрослые. По эффективности действия и разнообразию устройства фейерверков китайцы не знают себе равных в мире.

Вся семья ровно в полночь выходила за передние ворота, распахивала их, чтобы приветствовать и пропустить в дом Цзю Цзюня, улетевшего неделю назад в небо для доклада Юй Ди (по поверью, он должен в этот час вернуться домой). В новогоднюю ночь никто не спал. Не разрешалось дремать и даже зевать, так как зевнувший мог в наступающем году тяжело захворать. Люди боялись откликаться на зов издалека, считая, что это может вызвать смерть (сыван), и откликнувшийся рисковал умереть в новом году. В некоторых провинциях разрешалось спать, но будить спящего не следовало, он должен был проснуться только сам и пораньше, иначе прослывет лентяем, что считалось позорным.

Дети и молодежь поздравляли старших с праздником, а глава семьи одаривал всех присутствующих деньгами (ясуница), при этом деньги обязательно были новенькими и обвязывались красной ленточкой.

С утра первого дня праздника мужчины начинали совершать праздничные визиты с поздравлениями близких родственников и друзей. Если визит совершали после первых пяти дней, то это воспринималось как кровная обида. Дальним родственникам, коллегам и соседям по улице визиты можно было не наносить, а ограничиться оставлением визитной карточки (миньянь). Женщины в старом Китае первые пять дней проводили безвыходно дома. Замужние женщины по прошествии пяти дней обычно возвращались на дни праздника к своим родителям. В настоящее время это правило изжито, и в праздник весны женщины могут совершать визиты вместе с мужчинами. В состоятельных семьях считалось неприличным, если женщина нанесет два визита подряд в одном и том же наряде.

Как раньше, так и сейчас в дни праздника весны (Нового года) на улицах городов и поселков, а также в зданиях театров проводятся массовые культурно-художественные мероприятия, включающие в свою программу, помимо показа классической китайской драмы (цзюйюй), также и народные песенно-танцевальные представления. Во всех выступлениях первое место занимают танцы «яньго» и танцы на ходулях с ударными сопровождениями на барабанах и гонгах. Но самое большое внимание празднично одетой огромной гуляющей толпы привлекают такие зрелища, как танец дракона (или шествие с драконом), танец львов и тигров. В танце «яньге» актеры выступают также и на ходулях. В танце дракона число исполнителей может превышать десять человек. Они несут на шестах длинное тело дракона. Танец сопровождается музыкой, в такт которой сегменты тела дракона изящно приводятся в волнообразное движение, создавая иллюзию извивающегося живого сказочного чудовища. Не менее интересны танцы львов и тигров. Танец льва пользовался большой любовью у зрителей еще в Танскую эпоху (618—906 гг.) и считался в ту пору дворцовым танцем, а впоследствии стал всенародным веселым танцем. В танце, как правило, участвуют два исполнителя. В пекинском варианте

танца исполнители должны обладать недюжинной силой, так как, помимо сложности акробатических номеров, приходится нести голову льва, вес которой достигает 60—80 цзинней³: в танце царь зверей то ложится в позу, типичной для животных кошачьей породы, то делает грациозные прыжки с присущей ему мягкостью. Когда же он ложится и начинает задней ланой почесывать свой бок, то делает это с такой естественностью, что вызывает бурный восторг зрителей. Детворе подобные зрелища настолько очаровывают, что она готова веселой шумной ватагой сопровождать драконов, львов и тигров даже на другой конец города. Продолжающееся две недели празднование Нового года завершается веселым и торжественным праздником Юаньсяоцзе, или иначе называемым праздником фонарей (Дэнцзе), о котором уже упоминалось. Обычай праздновать этот день возник при втором императоре Суйской династии Ян Гуане, правившем с 605 по 616 гг. 15-го числа первой луны наступает полнолуние, и в этот день в Китае готовили кушанье юаньсяо, символизирующее полную луну. Оно готовилось из муки белого китайского клейкого риса и представляло собой катышки со сладкой начинкой, напоминающие грецкий орех (хуао). Этот обычай распространен у народа КНР и поныне. Праздник обычно справлялся три дня, причем самый разгар его бывал 15-го числа. В этот день с наступлением сумерек все зыбло огнями множества разноцветных фонарей. В праздник Дэнцзе фонарями украшались хижины, дворцы, храмы, улицы и даже джонки. В этот праздник было принято не только в старину, но и в настоящее время соревноваться в изобретательности, выдумке и фантастичности изготовляемых фонарей. Их мастерили из разноцветной бумаги, шелковых тканей, стекла, перламутра и т. п. Фонарям придается самая разнообразная форма. Они бывают круглыми, кубическими, в виде плодов, рыб, зверей, драконов и т. п.

Праздник Дэнцзе является кульминационным моментом и полным завершением праздника весны.

Статью составил на основании публикаций в печати и материалов из книжных изданий

Г. А. КАРВОВСКИЙ.

³ Цзинь — мера веса, равная 0,512 кг.

Научно-популярное издание

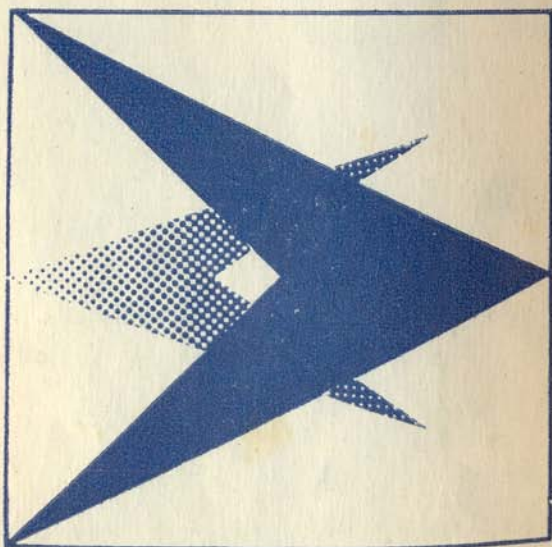
Юрий Андреевич ШКОЛЕНКО
ОТ СОТВОРЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ
(Как и куда развиваются религия и атеизм)
Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев
Редактор В. В. Бойко
М.л. редактор С. А. Рубан
Худож. редактор П. Л. Храмов
Техн. редактор А. М. Красавина
Корректор Л. С. Соколова
ИБ № 10129

Сдано в набор 12.01.89. Подписано к печати 23.02.89. А 08607. Формат бумаги 84/108^{1/2}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отг. 3,47. Уч.-изд. л. 3,62. Тираж 32 515 экз. Заказ 76. Цена 15 коп. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 891104. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

15 коп.

11-24

Индекс 70075

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ